

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09

Е. А. АКЕЛЬКИНА

Омская гуманитарная академия

«АЛЬМАНАХ ПОБЕДЫ»

В статье анализируются произведения писателей «Омского альманаха» 1945 года, особенно те изменения, которые вызваны победой в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: омский альманах, год Победы, писатели, журналисты, ученые Омска.

В 1945 году в Омском областном книжном издательстве вышла пятая книга «Омского альманаха» (подписана к печати 17 октября 1945 г., тираж 10.000 экз.). Симптоматично, что издание «Омского альманаха» приходится на годы Великой Отечественной войны, это, несомненно, связано с актуализацией культурных моделей классического прошлого, с обращением к национальным корням отечественной журналистики и литературы, с опытом интеграции всех литераторов региона в значимый год Победы. Данный «Омский альманах» — в своем роде явление уникальное и рубежное для культуры Западной Сибири. Попытаемся охарактеризовать тип альманаха, состав его участников, а также понять важнейшие тенденции культурного развития региона, запечатленные в этом историко-художественном памятнике.

Любопытно, что перед нами не заурядный сборник, а АЛЬМАНАХ — форма, которая выходит на первый план в особо значимые, переломные моменты истории. Альманах происходит от арабского слова КАЛЕНДАРЬ, это сборник литературных произведений, объединенных по каким-либо важным для эпохи признакам (тематическому, идейно-художественному, областному и т.д.).

Обычно альманах выходит не периодически, пока есть в нем необходимость. В истории литературы ежегодные альманахи-календари становятся прообразами новых типов периодики, которые востребованы в эпохи надвигающихся перемен. Итак, эта двойственная форма Альманаха связана как с пестротой и жанровым разнообразием публикуемых материалов, так и с прикреплённостью к определенному региону и значимой дате. (Сравни.: «Невский альманах», «Северные цветы», «Московский сборник», «Коломенский альманах», «Омский альманах»).

Разумеется, художественный уровень произведений, печатавшихся в альманахе в любое время, был всегда разнороден и неравноценен. Именно это всегда делало альманах, в том числе и «Омский альманах», беспристрастным зеркалом, в котором отражается своеобразие литературного развития эпохи. Так зримо подтверждается, что история литературы Сибири вовсе не парад известных имен, ведь знаменитые писатели живут и пишут в едином пространстве с писателями второго и третьего ряда. Часто их творческие судьбы так тесно переплетены, что и

великие произведения не могут быть правильно поняты в изоляции от других, менее значительных литературных явлений.

Так, в названном «Омском альманахе» 1945 года напечатано 26 произведений семнадцати авторов. Большинство текстов (21) носят художественный характер или хотя бы претендуют на художественность: в «Омском альманахе» это пятнадцать стихотворений, три подборки переводов, четыре прозаических произведения, четыре научные статьи и воспоминания о старом Омске. Круг авторов тоже говорит о многом: девять из семнадцати — это слава и гордость омской культуры, одни станут известными писателями (В. Утков, С. Залыгин), журналистами, учеными, краеведами (М. Юдалевич, М. Бударин, Б. Бухштаб, И. Коровкин); другие, уже признанные читателями, по тем или иным причинам отошли на второй план и переживают полосу временного «забвения» после репрессий (Л. Мартынов, И. Шухов); для третьих публикация в альманахе — дань тематической конъюнктуре, так как подобные однодневки полностью лишены художественной ценности (П. Радищев, В. Угрюмов, В. Иванов). Однако при всей разнокачественности опубликованных произведений пятая книга «Омского альманаха» объединяет своих авторов не только по региональному признаку, но и единством общего настроения.

Альманах открывается стихотворением М. Максимова «Победа», тем самым задается героическая интонация, быстро, впрочем, переводящая общее чувство гордости победителей в личностно-интимный план возвращения к частной семейной жизни:

«И в миг, когда, умывшись над ушатом,
возьмет он полотенце у жены, —
он снова перестанет быть солдатом,
как будто сразу смыл следы войны.

...что этот человек — и есть Победа,
прошедшая через огонь и дым!» [1, с. 3].

Проза о войне представлена главами из повести Виктора Уткова «Последний рубеж». Неизвестно была ли написана эта повесть, но, несомненно, «Последний рубеж» — лучшая прозаическая публикация о войне в альманахе 1945 года. Виктор Григорьевич Утков (1912–1988) в тридцатые годы после учебы в омском зоотехническом институте работает завлитом в театре драмы, публикует свои первые очерки и рассказы. Вместе с Л. Н. Мартыновым В. Г. Утков — один из создателей «Омского альманаха», член редколлегии. Перед войной опубликовал в 2-х книгах альманаха свои рассказы «Анисья» (1939) и «Прыжок» (1940) под псевдонимом Виктор Бурмин, а также статьи. Перед войной В. Г. Утков начал собирать в Тобольске архивные материалы для будущей книги о П. П. Ершове.

В 1941 году В. Г. Утков ушел на фронт, воевал на Дальнем Востоке. После демобилизации в 1945 году В. Г. Утков жил в Москве, работал в редакциях московских журналов, но культурные связи с Омском не прерывались. Перед нами зрелое литературное произведение, читать его интересно, проза динамичная, интонация найдена удачно.

Драматические события сражения с фашистами, потом блуждания по лесу и выход к партизанам даны глазами молодой девочки-санитарки Ани. Вся гамма ее эмоций от усталости, растерянности до ярости и храбрости отчаяния дана мастерски со знанием будничного непарадного труда войны.

Итак, в альманахе Победы читателю в «Последнем рубеже» В. Г. Уткова дана правда о войне без барабанного боя и псевдопатриотических речей. Очень хорошо показано постепенное обретение уверенности в себе главной героиней, которая старается сделать все как можно лучше. Отметим, что эти первые послевоенные публикации В. Г. Уткова о войне вполне вписываются в еще не прорисовывшуюся тенденцию развития «лейтенантской» прозы В. Некрасова, Г. Бакланова, раннего Ю. Бондарева.

Симптоматично, что сибирский писатель-фронтвик В. Г. Утков задолго до того, как обозначится в столичной печати ведущая жанровая линия фронтовой повести, интуитивно почувствовал ее востребованность и стал выстраивать поэтику сдержанного экспрессивно-натуралистичного повествования, резко полемичного по отношению к идеологическим стереотипам, превращающим суровую и горестную правду войны в театральное представление.

Хуже ситуация со стихами в альманахе. Стихотворные публикации Михаила Максимова, известного журналиста Марка Юдалевича, Николая Москалева, Василия Угрюмова, Владимира Бухарцева и Венедикта Иванова, разумеется, настоящей поэзией не являются, это скорее эмоциональные отклики на события, своеобразные документы эпохи, полные распространенных идеологических штампов.

Дежурно-газетная передовица М. Юдалевича «К Берлину подходят войска» претендует на роль «солдатского сказа», хотя это явное конъюнктурное заказное прославление вождя всех народов. Более искренни и непосредственны стихи «О седине», «Земляк», «Год Победы».

В стихотворении «О седине» впервые появляется мотив ранней седины солдата, «на ком большой войны следы» и который, «еще не став усатым, уже становится седым» [1, с. 31]. Этот мотив будет впоследствии звучать во многих стихах о войне, отзовется и в знаменитой песне Р. Рождественского «Баллада о красках»:

«Стали волосы смертельной белизны,
Видно, много белой краски у войны» [2].

Традиционный для газет той эпохи производственный очерк Петра Радищева «Первая плавка» без тени художественности четко выполняет свою пропагандистско-публицистическую функцию. Со знанием производственного процесса металлургии здесь все в порядке, но персонажи напоминают картонные фигуры и говорят правильные речи, очень напоминающие газетные лозунги. Это скорее типовая газетная статья, а не художественное произведение.

Омск — тыловой город. И две лучшие прозаические публикации альманаха посвящены тружениками тыла, ярко передают настроение омичей в тылу, это рассказ Сергея Залыгина «В лесу» и новелла Михаила Бударина «Хлеб».

Сергей Павлович Залыгин (1913–2000), впоследствии известный писатель, поступив в 1933 году на гидромелиоративный факультет Омского сельхозинститута, начал печатать свои очерки, рассказы, статьи в институтской многотиражке с 1935 года, а потом и в главной газете региона «Омская правда». После окончания сельхозинститута 15 лет С. П. Залыгин работает на кафедре сельхозмелиорации, защитив в 1948 году кандидатскую диссертацию. В годы Великой Отечественной войны С. П. Залыгин был сначала старшим техником-гидрологом на полярной станции «Салехард» Сибирского военно-

го округа, а потом стал начальником гидрографических работ на Средней и Южной Оби. В 1955 году С. П. Залыгин навсегда уехал из Омска, с 1960-х живет и работает в Москве.

Пятистраничный ранний рассказ С. П. Залыгина «В лесу» написан по впечатлениям таежного быта на Обском севере. Как и у Виктора Уткова героиня рассказа — молоденькая учительница, жена фронтовика, ожидающая ребенка. Встретившись в лесу с волком, она вступает с ним в своеобразный поединок за жизнь своего будущего ребенка и побеждает. Рассказ пронизан очень характерным для послевоенного периода ощущением своих безграничных возможностей, исполнен светлой надеждой, что справиться можно с любыми невзгодами. Именно на этой волне духовного и культурного подъема восстанавливались разрушенные города, осваивалась целина и т.д.

Третьим удачным произведением в прозе альманаха является новелла Михаила Бударина «Хлеб». Михаил Ефимович Бударин (1920–2000) — известный историк-краевед, впоследствии профессор Омского педуниверситета, с конца 1940-х годов публикует много художественных произведений на историческом материале. Новелла «Хлеб» — редкий и удачный опыт чисто художественного произведения под впечатлениями трудовых будней тыла. Это история фронтового шофера ленинградца Титова, который вопреки невероятным трудностям привез долгожданный хлеб в сибирский город, причем этот эпизод ненавязчиво сопоставлен с его фронтовыми рейсами по льду Ладожского озера. Новелла М. Бударина мастерски передает непоказной героизм войны и на фронте, и в тылу, стиль рассказа динамичен, сдержанно эмоционален, обладает свободной разговорной интонацией.

Пожалуй, три наиболее успешных прозаических опыта В. Уткова, С. Залыгина и М. Бударина наиболее точно передают дух суровой эпохи и объясняют истоки Великой Победы.

С конца 1930-х годов, когда пусть и в урезанном, искаженном виде было восстановлено преподавание истории в советской единой трудовой школе, начинает цениться обращение к славному прошлому, к культурным истокам. Во многом этому способствовал и небывало широко отмеченный в 1937 году столетний юбилей со дня смерти А.С. Пушкина. Словно перед надвигающимися испытаниями советская культура искала опору в прошлом. И в «Омском альманахе» целых семь публикаций было посвящено осмыслению классики или прошлому края.

Стоит напомнить, что в годы войны с особым чувством отмечаются юбилейные даты, актуализирующие патриотизм, объединяющие разные тенденции многонациональной культуры республик СССР (это юбилей «Слова о полку Игореве», Отечественной войны 1812 года, М.И. Кутузова; Низами; Навои, Рудаки и т.д.).

Две из подобных публикаций в 5-й книге Омского альманаха посвящены Омару Хайяму (1048–1131) — великому ученому, философу, поэту. Статья доцента кафедры иностранных языков Омского сельхозинститута Виктора Николаевича Энгельгардта (1905–1957) называется «Омар Хайям и его четверостишья» и пытается познакомить омских читателей с наследием великого поэта Востока. Статья простенькая, аморфная по структуре, содержит при всей претензии на внешнюю академичность множество фактических ошибок. Из научных статей альманаха это самая слабая публикация.

Далее В. Н. Энгельгардт дает свой перевод тридцати пяти четверостиший Омара Хайяма, перевод

сделан не с языка оригинала (фарси), а с издания английского поэта-переводчика Эд. Фитцджеральда (1809–1883), в 1940-е годы это была распространенная переводческая практика. Переводы, а точнее, переложение четверостиший О. Хайяма грешат буквализмом и лишены всякой поэзии.

Рядом напечатаны два вольных перевода из английской классики известного поэта Леонида Николаевича Мартынова. (Из Шекспира «Неблагодарность» и из А. Теннисона «Ветер сладостный и свежий».)

Выбор английской поэтической традиции явно неслучаен, тому две причины — знание английского в те годы в Омске, хоть редко, но встречалось (специалистов по фарси не было), а кроме того, это знаковый жест начавшегося робкого культурного диалога с недавними союзниками, что тогда поощрялось властью.

Далее идут интереснейшие воспоминания профессора зоологии Иннокентия Николаевича Шухова (1894–1956) «Картины старого Омска».

Богата уникальным местным материалом статья известного писателя-фольклориста Ивана Семеновича Коровкина (1919–1977) «Народные песни в Западной Сибири». Автор дает удачную классификацию песенного богатства Сибири с точки зрения культурных носителей, особенно актуален последний (V) раздел о песнях Великой Отечественной в Западной Сибири.

Здесь же под псевдонимом Виктор Бурмин публикует свою статью Виктор Утков «Тобольский гражданин Петр Ершов». Перед нами начало пути писателя В. Уткова к одной из главных тем его творчества, в историю культуры Западной Сибири он войдет как автор лучших книг о П. П. Ершове («Сказочник П. П. Ершов», Омск, 1950; «Гражданин Тобольска» (о жизни и творчестве П. П. Ершова, автор сказки «Конек-Горбунук», Свердловск, 1972).

Завершает альманах глубокая концептуальная классика отечественного литературоведения профессора Бориса Яковлевича Бухштаба «Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов». В годы войны Б. Я. Бухштаб был в Омске в эвакуации и преподавал в пединституте, вскоре после Победы он вернется в Ленинград.

Пятый «Омский альманах» — редкая точка гармонии и равновесия, когда всех авторов объединяет радость победы, единое настроение общих надежд на лучшее. Уже первый послевоенный 1946 год разведет их по разные стороны баррикады. После печально известного постановления о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград» начнется травля наиболее талантливых омских писателей Л.Н. Мартынова, С. П. Залыгина, В. Г. Уткова, М. К. Юрасовой, А. Ф. Палашенкова, уже покойного поэта, профессора П. Л. Драверта. В результате компании по борьбе с апатичностью снят директор Омского книжного издательства С. И. Жданов, вышедшая в свет шестая книга «Омского альманаха» будет сразу изъята из продажи.

Естественное после испытаний войны обращение наиболее талантливых омских писателей к «грозным вопросам морали» и «вечным» темам и смыслом навлекло на них гнев власти, на сторону которой, к сожалению, встали доценты сельхозинститута Венедикт Иванов (1901–1972), Виктор Энгельгардт (1905–1957), профессор М. Е. Бударин (1920–2003), в послевоенное десятилетие собственный корреспондент газеты «Известия» по Омской и Тюменской областям, и некоторые другие авторы альманаха. Часто объясняют подобные выступления заблуждениями, духом времени, политической

конъюнктурой, страхом. Однако совершенно очевидно, что В. Ивановым и В. Энгельгардтом двигала примитивная зависть к талантливому поэту Л. Н. Мартынову, мотивы других объяснить трудно, но помнить об этих фактах необходимо.

Спустя несколько лет Л. Н. Мартынов напишет:

«Бывают такие периоды,
Когда к словопрениям не тянет
И кажется: в рот набери воды,
И глубже молчание станет.

Бывают такие периоды —
Уходишь тогда в переводы,
На время выходишь из моды...
Бывают такие периоды.

Бывают такие периоды,
Когда накричался до хрипа ты
И сделал все резкие выпады,
И медленно делаешь выводы,
Покорен вельню свободы!» [3].

Библиографический список

1. Омский альманах [Текст] / Омское областное государственное изд-во. — Омск : ОГИЗ, 1945. — 132 с.
2. Рождественский, Р. И. Стихи. Баллады. Песни [Текст] / Р. Рождественский. — М. : Советский писатель, 1984. — С. 128.
3. Мартынов, Л. Н. Стихотворения и поэмы [Текст] / Леонид Мартынов. — Л. : Советский писатель, 1986. — С. 487.
4. Гладкова, И. Б. Курс лекций по литературе Западной Сибири : учеб. пособие [Текст] / И. Б. Гладкова. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. — 132 с.

5. Бельский, Е. И. Писатели моей земли [Текст] / Е. Бельский. — Новосибирск, 1967. — 140 с.

6. Поварцов, С. Н. Над рекой Тишиной (Молодые годы Леонида Мартынова) [Текст] / Сергей Поварцов. — Омск : Книжное изд-во, 1988. — 150 с.

7. Писатель. Общество. Власть : сб. науч. тр. [Текст] / отв. ред. С. Н. Поварцов. — Омск : Омский гос. ун-т, 1995. — 156 с.

8. Шик, Э. Г. Литературный Омск в XX веке [Текст] / Э. Г. Шик, сост. Л. Л. Дашьянц, А. Э. Лейфер. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. — 296 с.

9. Писатели о себе. Сборник [Текст] / сост. Ю. М. Мостков; Т. Белозёров, М. Юрасова, Н. Яновский. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 262 с.

10. Загатов, И. Облыва 1946 года [Текст] / И. Загатов // Сын Гипербореи: книга о поэте / Инкомбанк. — Омск, 1997. — С. 93–129.

11. Вибе, П. П. Омский историко-краеведческий словарь [Текст] / П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачёва. — М. : Отечество, 1994. — 320 с.

АКЕЛЬКИНА Елена Алексеевна, доктор филологических наук, руководитель магистерской программы Омской гуманитарной академии, профессор кафедры теории и истории мировых культур ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, директор Омского регионального центра изучения творчества Ф.М. Достоевского. Адрес для переписки: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55, Омский региональный научно-исследовательский центр изучения творчества Ф. М. Достоевского, ауд. 309а.

Статья поступила в редакцию 14.03.2012 г.

© Е. А. Акелькина

УДК 811.112.2

С. В. БУРЕНКОВА

Омский государственный
педагогический университет

НАРУШЕНИЯ ЖИТЕЙСКИХ НОРМ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

В статье рассматриваются нарушения житейских норм и запретов как источник юмора в русском и немецком языках. Непристойные выражения, анекдоты, сатирические шутки и куплеты позволяют выразить запрещенные смыслы. Подобного рода шутки раскрывают отношение их авторов к существующим нормам и ценностям, а потому их анализ, предпринятый в данной статье, способствует выявлению особенностей картины мира нации.

Ключевые слова: нарушения норм, табу, шутки, ценности культуры.

Исходя из того, что в своей жизнедеятельности человек нередко сталкивается с различного рода нарушениями бытующих представлений о норме, правомерно полагать, что язык, являясь формой выражения сознания человека и общества, изобилует средствами, позволяющими передать то или иное отношение к факту нарушения различных норм. Знание неприемлемых нарушений или табуированных для определенной культуры тем является значимой составляющей коммуникативно-культурной компетенции участников межкультурного взаимодействия. В этой связи достаточно интересным

и полезным оказывается изучение многообразных проявлений языковой игры: словесных шуток, анекдотов, каламбуров, речевого «кривляния» и балагурства. Такое исследование позволяет кроме прочего выявить важные аспекты ценностной картины мира нации, поскольку высмеивается нередко то, что важно для данной культуры.

Следует заметить, что шутки раскрывают и проявляют отношение человека к миру, сознанию и языку. Хорошая шутка имеет большую эстетическую ценность. Кроме того, она позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить

те смыслы, которые находятся под запретом, иначе говоря, табуированы.

Вообще, шутливая семантизация лексики («этимология» см.: [1, с. 27]), когда вполне нейтральные слова подвергаются паронимической «порче» — довольно широко распространенная деятельность среди носителей русского языка: *графин* — муж *графини*, *дневник* — *студент дневной формы обучения*, *противень* — *противный человек* и т.д. Вместе с тем, как отмечает Б. Ю. Норман, особый подтекст, интеллектуальную глубину игра со значением слова обретает в том случае, когда значение выдуманное сталкивается со значением настоящим: «это столкновение высекает искру эстетического эффекта, оправдывающего “этимологическое” озорство» [2, с. 279]. Сравните: *брошка* — *мать-одиночка*, *покинутая жена*, *сомнение* — *мнение коллектива*, *показуха* — *посещение участкового врача*, *стоик* — *человек в очереди* и т.д.

Смысл такой языковой игры заключается в интерпретации и оценке отдельных, особенно важных, жизненных норм и правил и их нарушений. Сравните в немецком языке: *Sie hat einen Silberblick* (*ugs. scherzh.*) — (все равно что по-русски сказать о косой женщине: *у нее глаз-алмаз*); *Kaputtalismus* (*kaputt u Kapitalismus*), *Demokratie* (*Demokratie u Diktatur*). Материалом для различного рода словотворчества нередко служат обценная (непристойная) лексика и её эвфемизмы, на их основе построено немало шуток, анекдотов и каламбуров. Такого рода примерами изобилует не только русский, но и немецкий язык, сравните: *Hurement* (*Hure u Sakrament*), *Arschäologie* (*Arsch u Archäologie*), *Monarschie* (*Monarchie u Arsch*) и т.д.

Весьма интересны подобные шутки на материале устойчивых словесных комплексов: *a вы и ухом не моргнули*, *бюджет и на нашей улице публичный дом, в рогах правды нет* и т.д. Все дело в том, что язык и речь реагируют на происходящие в социуме изменения. Наглядной иллюстрацией этому могут служить модификации традиционных пословиц в соответствии с происходящей в обществе переоценкой правил, смысл и значимость которых подчеркивается в исконных пословицах. Мы являемся свидетелями времени, в котором непредсказуемо сменяются авторитеты, а что теряет свой авторитет, становится зачастую объектом шуток и насмешек. Упомянутая выше «маскировочная» функция языковой шутки ярко проявляется в афористике, которая, по свидетельству Н. К. Рябцевой, эволюционирует в настоящее время в сторону все более внешне шуточного характера [3, с. 374].

Пословицы, претерпевая различного рода модификации, адаптируются к новым задачам и условиям своего существования. Необходимость такого рода приспособления вызвана тем, что фонд пословиц, как часть языковой системы, вынужден реагировать на изменения в общественной, материальной и духовной жизни. Самые неприметные изменения культурно-эстетического и социально-политического плана фиксируются индивидуальным и коллективным сознанием, что не может не найти отражения и в пословичном материале. В данном случае речь идет о постоянно обновляющемся приложении традиционных пословиц к новым ситуациям, что часто ведет к разнообразным отклонениям от узуса. Например: *Alles hat ein Ende — und die Mettwurst hat zwei*. *Aller Mannfang ist schwer*. *Der Student geht so lange zur Mensa, bis er bricht*. *“Einmal ist keinmal” für den Henker, nie für sein Opfer*. *Ende gut, alles schlecht*. *Lügen haben lange Beine*. *Steter Tropfen höhlt die Leber*.

“Zeit ist Geld”, sagte der Ober und addierte das Datum mit. *Rabota ne volk*. *Zamo nachalnik zverь*. *Prognos pnegnolaraem, a Bog raspolaraem*. *Чмо посеешь, то и покуришь*. *Кто рано встает, тот рано помрет* [4, 5].

Наличие псевдопословиц определенной тематики может служить своего рода «лакмусовой бумажкой», сигнализирующей о переоценке норм и ценностей в отношении тех или иных областей жизни. Под переоценкой понимается здесь не только кардинальное изменение житейских мнений на прямо противоположные, но и более глубокое понимание важности того или иного явления.

Так, многочисленные немецкие пословицы повествуют о пользе экономии не только в деньгах, но и во многом другом, что окружает человека, с чем он имеет дело. Аналогичным образом польза экономии и бережливого отношения к деньгам подчеркивается и в антипословицах, сравните: *Wer den Pfennig nicht ehrt, krümmt sich beizeiten*. *Wer den Privatpatienten nicht ehrt — ist dessen Schwarzgeld nicht wert!* *Wer Gold sät, soll Kapital ernten*. *Frauen mit Geld regieren die Welt*. *Geld allein macht nicht glücklich, dazu gehören noch Aktien, Beteiligungen, Gold, Immobilien und Wertpapiere*. *Geld allein macht nicht glücklich, doch es beruhigt die Nerven*. Для немцев деньги — символ надежности, они боятся лишиться своих денег. Поэтому инфляция представляется немцам пределом экономического хаоса, чем-то таким, чего необходимо избежать любой ценой [6, с. 61]: *Wer den Pfennig nicht ehrt, rechnet mit der Inflation*.

Помимо бережливого отношения к деньгам у немцев также особое отношение и к экономии времени. Не следует, однако, считать, что всякий немец пунктуален. Яркой иллюстрацией может послужить следующая модификация известной пословицы: *Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige*. *Prinzessinnen haben andere Vorzüge*. Сравните также: *Was du heute kannst besorgen, hat bis übermorgen auch noch Zeit*. *Was du heute kannst besorgen, das verschiebe stets auf morgen*. *Denn hast du's heute schon getan, kommt morgen gleich was Neues dran!*

Культурное многообразие оказывает влияние на отношение человека к самому себе, к своему здоровью, к здоровью окружающих. Нездоровье, болезненное состояние являются отступлением от нормы. Следовательно, плохое самочувствие человека вызывает разнообразные реакции как окружающих, так и самого больного: *Besser reich und gesund, als arm und krank*.

При всем стремлении немцев к здоровому образу жизни злословной проблемой продолжает оставаться переедание, видимо, потому, что немцы считают: *Nicht vom Brot allein ist der Mensch satt, sondern von Würstchen und Wurst*. *Essen gut, alles gut*. *Ein voller Bauch ist ein sanftes Ruhekissen*. Со временем немцы осознали, что привычка есть больше, чем нужно, представляет опасность для здоровья. Сегодня надписи «легкий» и «обезжиренный» на этикетке товара становятся гарантией покупаемости того или иного продукта, поскольку немцы «полны решимости навсегда распрощаться с вредными для здоровья привычками» [6, с. 48].

Человеческая глупость высмеивалась во все времена. Подтверждение этому можно найти и в традиционных пословицах, и в их модифицированных вариантах. Высмеивание глупости в псевдопословицах свидетельствует о возросшем авторитете умного человека. К примеру, пословица *Wer A sagt, muss auch B sagen* получила ироническое дополнение и вместе с тем несколько иное значение: *Wer A sagt, muss auch*

B sagen. Aber was, wenn einer vom ganzen Alphabet nur das A kennt? Другая модифицированная пословица *Wer nicht hören will, fällt selbst hinein*, возникшая путем контаминации двух пословиц (*Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein. Wer nicht hören will, muss fühlen*), подчеркивает неразумность поведения излишне самоуверенных людей. Ведь, как известно: *Der Klügere gibt nach*. Но и последняя пословица, видимо, утрачивает свою актуальность для нынешнего поколения, сравните: *Der Klügere gibt nicht nach; Der Klügere gibt so lange nach, bis er der Dummere ist; Gewiss gibt der Klügere nach. Aber oft genug ist er dann der Dumme*. В современном мире человеку необходимо умение постоять за себя, отстоять свою точку зрения.

Немцы высоко ценят образованность, подразумеваемая под ней образование и общую культуру. Негативное отношение к невеждам, желающим слыть образованными, иллюстрируют следующие примеры: *Einbildung ist auch eine Bildung. Die Bildung mancher Leute besteht nur in der Einbildung*. Вместе с тем демонстрировать свою начитанность и свои знания не считается дурным тоном. Если вы не афишируете свою образованность, немцы воспринимают это не как проявление скромности, а как признание в собственном невежестве [6, с. 17]. Что касается немецкой системы образования, то она не ставит своей задачей формирование характера или воспитание моральных качеств. Ее цель — вложить в вас профессиональные знания, которые помогут вам занять достойное место в мире бизнеса и будут способствовать вашему продвижению по службе [6, с. 58]: *Ein fettes Leben geht über Studieren*.

Нельзя сказать, что школьники и студенты в Германии учатся лучше или хуже российских, немецкие школьники также остаются на второй год, студенты тоже иногда прогуливают занятия, списывают на экзаменах и т.п. Отсюда возникают шуточные каламбуры на тему «Учеба»: *Schule am Morgen bringt Kummer und Sorgen; Lieber in der Schule etwas länger schlafen als am Morgen zu früh aufstehen; Eine schlechte Note kommt selten allein; Der schönste Schultag ist der Sonntag. Wenn der Lehrer zu viel spricht, schläft man gut im Unterricht; Wer fünf Minuten später zum Unterricht kommt, hat mehr vom Leben; Wenn alles schläft und einer spricht, den Zustand nennt man Unterricht; Lieber mehr Ferien dafür aber weniger Unterricht; Zu viel lernen macht dumm; Viel Wissen macht Kopfweg*.

Как известно, немцы не одобряют небрежной, некачественной работы, так как подобного рода факты являются нарушением привычных правил, норм, мнений. Труд у немцев, в первую очередь, ассоциируется с заработком: работать — значит зарабатывать. Не случайно народная пословица *Ohne Fleiß kein Preis* получила многообразные вариации: *Ohne Fleiß kein Wein; Ohne Fleiß kein Reis*. Вместе с тем бесплатно или за малую плату работать никто не хочет: *Ohne Preis kein Fleiß*.

Современное немецкое общество, вероятно, также не лишено такого качества, как лень: *Arbeiten ist Silber, Faulenzen ist Gold. Morgenstund' ist aller Laster Anfang. Morgenstund' ist ungesund. Morgenstund' ist gut für 'n Hund. Morgenstund' hat Gold im Mund. Wer lange schläft, bleibt auch gesund. Arbeit am Morgen macht Kummer und Sorgen. Lieber krank feiern als gesund arbeiten. Lieber Feste feiern als feste arbeiten* [4, 5].

Псевдопословицы являются окказионализмами, явлениями случайными, общественно не признанными. Но вместе с тем нельзя недооценивать их значение. Модифицированные варианты пословиц ин-

тересны уже тем, что служат созданию комического эффекта. Они, как и все окказиональное, употребляются преднамеренно (с установкой на эффект, экспрессию, юмор) и «наивно», чтобы «утолить номинативный голод», чтобы поскорее «выпалить» свою мысль, не придавая значения тому, как она действует на слушателя [7, с. 293]. Немаловажно, что окказионализмы, которые вызывают комический эффект, являются существенным источником лингвострановедческих сведений о жизни страны, язык которой изучается в условиях отрыва от естественной языковой среды.

Нетрудно видеть, что нарушения норм не только претендуют на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями. Разного рода юмористические жанры выступают ярким примером значимости тех или иных нарушений, а значит, и самих нормативных требований. Различного плана нарушениями обязательны для юмора, поскольку он высмеивает именно отклонения от норм, от норм поведения в особенности. Объектом юмора становятся различные аномалии, неадекватное поведение, отклонения от норм внешности, ненормальные реакции на что-либо, дефекты речи, нарушения порядка, закона и т.д. Например: *Frau Meier kommt mit ihrer Tochter zum Arzt. Der Arzt fragt sie: "Stottert Ihre Tochter immer so?" — „Nein, nur wen sie was sagen will“* [8, с. 6].

Изучение анекдотов, характерных для определенной культуры, также позволяет выявить, во-первых, значимые для культуры нормы, нарушения которых становятся предметом шуток и насмешек, а во-вторых, установить типичные для культуры табу. Сравните: *Ein Mädchen fragt seine Freundin: "Hast du dich ihm der Liebe oder des Geldes wegen hingegeben?" — „Natürlich wegen der Liebe... Fünf Mark sind doch kein Geld“* [8, с. 40].

К полицейскому в Германии подбегает человек: «Господин полицейский, у меня украли велосипед!» — «Он был в порядке?» — «Да, ездил нормально». — «Звонок был на нем?» — «Нет». — «Ручной тормоз работал?» — «Его вообще не было». — «Фонарь?» — «Не было». — «Так, платите штраф 30 марок!» [9, с. 149]. В последнем анекдоте гипертрофированно выражается страсть немцев к соблюдению мелких правил. Такая приверженность немцев к порядку составляет национальный колорит жизнедеятельности немецкого общества.

Немцы — любители дорогих автомобилей и быстрой езды. Желание быть первым нередко становится важнее необходимости разумного следования правилам: *"Du, gestern auf der Autobahn war doch wieder so ein Idiot, der fuhr die ganze Zeit, über 50 km lang, mit Tempo 120 auf der linken Spur!" — "Und? Was hast du gemacht?" — „Ich hab' ihn nicht vorbeigelassen!"* [8, с. 8]. Илу: *Autofahren ist die Kunst, viel Geld in einen Haufen Blech zu stecken, um schneller als derjenige voranzukommen, der einen gerade überholen will* [10].

Очень часто основу языковых шуток составляют различия в пресуппозициях: один из собеседников демонстрирует нестандартный «взгляд на мир», а другой солидаризуется с другими, привычными представлениями [2, с. 189]. Сравните: *Herr Doktor, ist es eine seltene Krankheit, die ich habe?" Blödsinn, die Friedhöfe sind voll davon...* [8, с. 6].

Примером нарушения этических норм могут служить также пародии на известные песни, стихи, вообще разнообразных жанры «черного юмора»: памфлеты, частушки, четверостишия, садистские шуточки и куплеты, вредные советы, карикатуры, иллюстри-

рующие не только, а порой и не столько юмористическое отношение к жизни. Такого рода произведения позволяют «выпустить энергию», дают волю злорадству (*Die beste Freude ist die Schadenfreude*), сарказму, помогают их авторам выразить то, о чем из приличия говорить не принято, но «очень хочется». Примером может служить пародия Фридриха Карла Вехтера "Der ANTI-Struwelpeter" на известное произведение Г. Гоффманна.

Сравните пародию на стихотворение "Geschichte vom Daumenlutscher":

*...Konrads Mütterlein entschreit.
Über Hintertreppen leitet
Konrad seine Freundesschar
bis zu Mutterns Hausaltar.
Jeder lässt sich nieder und
Wupp! Den Daumen in den Mund.
Später sind's die Zigaretten,
sind's die Freuden in den Betten,
doch die kleinen Mädchen, Knaben
wollen sich am Daumen laben... [11].*

Другие примеры:

*O, Tannenbaum, o, Tannenbaum,
Der Lehrer hat mich blau gehau'n!
Jetzt muss ich in der Ecke steh'n
und mir die kahle Wand anseh'n.
O, Tannenbaum, o, Tannenbaum,
Der Lehrer hat mich blau gehau'n!
Advent, Advent, ein Lichtlein brennt,
erst eins, dann zwei, dann drei, dann vier...
und wenn das fünfte Lichtlein brennt,
dann hast du Weihnachten verpennt!
Und? — Der Lehrer ist Hund!
Was? — Deine Nase ist nass!*

Маленький мальчик нашел пулемет —
Больше в деревне никто не живет...
Только осталась бабка Матрена,
Эх, на нее не хватило патрона!

Дети в подвале играли в гестапо,
Зверски замучен сантехник Потапов.
Длинные уши прибиты к затылку,
Так и не выдал, где спрятал бутылку.

По свидетельству С. Б. Борисова [12], *черный юмор* — юмор, «обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» — пришел в Россию из Германии, создателями первых произведений в этом жанре следует считать франкфуртского врача, автора первой немецкой книги с картинками для детей Г. Гоффманна и немецкого поэта и художника В. Буша.

Мрачные остроты и шутки можно встретить у многих классиков немецкой литературы, сравните: *Martin Opitz (1597–1632) Grabinschrift eines Koches*

*Wie wird die Welt doch überall verkehret.
Hier hat ein Koch im Grabe Ruh,
Der mancherlei von Speisen richtet zu.
Jetzt haben ihn die Würmer roh verzehret.*

В настоящее время анекдоты, карикатуры, страшилки и садистские стишки можно найти в сети Интернет [13–16], внимания заслуживают также собрание произведений черного юмора В. П. Белянина и И. А. Бутенко [17], «Книги для непослушных детей и их родителей» Г. Остера [18]. Сравните примеры:

Врач, выходя из палаты тяжелобольных, говорит: «Всем — до свидания... А вы, Иванов, прощайте».

Папа, почему наша бабушка бегаёт зигзагами? — Для кого-то бабушка, а для кого-то и теща. Погай-ка мне, сынок, лучше вторую обойму!

Если ты пришел на ёлку, свой погарок требуй сразу,

Да гляди, чтоб ни конфеты не зажилил Дед Мороз. ...

"Was hat vier Beine und einen Arm?" — „Ein Pitbull, der vom Kinderspielplatz kommt“.

Zwei Kannibalen verspeisen einen Clown. Sagt der eine: „Der schmeckt aber komisch.“

*Zwei Knaben zogen an den Nil,
den andren fraß ein Krokodil.*

Der eine starb am Fieber,

drum geh nicht hin, mein Lieber!

Zwei Knaben gaben sich einen Kuss,

der eine, der hieß Julius,

der andere hieß Gretchen,

ich glaub', das war ein Mädchen!

Шутливые переосмысления норм подчеркивают их значимость для общества: к примеру, врач из приведенного выше анекдота нарушает нормативное представление о медицине, призванном помогать пациенту. Или неумеренное принятие алкоголя, являющееся неотъемлемой характеристикой русских во многих анекдотах, также выступает индикатором этнокультурных ценностей.

Любой социум обладает определенным набором канонов, норм, стереотипов, традиций, установок, содержащих социальную, моральную, эмоциональную оценку фактов и явлений и влияющих на потенциальные формы поведения, в том числе и речевого. Отступления от норм, будь то трудовая или иная деятельность, поведение, коммуникация, некачественность, дефекты артефактов и т.д., затрагивают интересы человека и потому фиксируются многочисленными языковыми средствами и речевыми сообщениями. Каждое современное общество сталкивается, особенно сегодня, с массой новых проблем, требующих этических решений, пересмотра существующей системы моральных норм и ценностей. Поэтому причиной нарушений норм жизнедеятельности нередко являются устаревание, изменение нормативных стереотипов, появление новых стандартов и приоритетов.

Свидетельством оценки принятых в культуре норм, переосмысления жизненных установок становятся анекдоты, карикатуры, псевдопословицы, разнообразные жанры черного юмора. Как показывает анализ примеров, исследование национального юмора позволяет выявить значимые для культуры нормы и типичные табу, так как предметом шуток и насмешек становится именно разного рода нарушение. Изучение национальных шуток и анекдотов может таким образом стать ключом к познанию определенных стереотипов поведения, принятых в той или иной лингвокультуре.

Библиографический список

1. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
2. Норманн, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норманн. — М. : Флинта, Наука, 2006. — 344 с.
3. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М. : Academia, 2005. — 640 с.

4. Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien / Wolfgang Mieder. — Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1998. — 396 s.
5. Мокиенко, В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы) / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер. — СПб. : Нева, 2006. — 384 с.
6. Зайдениц, Ш. Эти странные немцы. Сер. «Внимание: иностранцы!» / Ш. Зайдениц, Б. Баркоу. — М. : Эгмонт Россия ЛТД, 1999. — 72 с.
7. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография : учеб. пособие для вузов / В. Д. Девкин. — М. : Высшая школа, 2005. — 670 с.
8. Избранные немецкие анекдоты / сост. А. В. Безруков. — М. : МНПК Элан, 2007. — 64 с.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
10. Девкин, В. Д. Очерки по лексикографии / В. Д. Девкин. — М. : Прометей, 2000. — 395 с.
11. Lesespass. Ein literarisches Materialienbuch für die ersten Jahre Deutsch. Von Henk Boog, Klees van Eunen u.a. — Berlin etc. : Langenscheidt, 1993. — 88 S.
12. [Электронные ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov_7.htm (дата обращения: 20.06.2011).
13. Witze [Электронные ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spass-mit-witzen.de> (дата обращения: 20.06.2011).
14. Liebesgedichte [Электронные ресурс]. — Режим доступа: http://www.gedichte-fuer-alle-faelle.de/lustige_gedichte/index.php?fnr=353 (дата обращения: 20.06.2011).
15. Karikatur & Cartoon [Электронные ресурс]. — Режим доступа: http://www.karikatur-cartoon.de/schwarzer_humor.htm (дата обращения: 20.06.2011).
16. В гостях у сказки [Электронные ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nonsense.de/schwarz/skazka.html> (дата обращения: 20.06.2011).
17. Белянин, В. П. Чёрный юмор. Антология / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. — М. : ПАИМС, 1996. — 192 с.
18. Остер, Г. Вредные советы. Книга для непослушных детей и их родителей / Г. Остер. — М. : АСТ, Астрель, 2001. —

БУРЕНКОВА Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации.
Адрес для переписки: e-mail: burenkova_anna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2011 г.
© С. В. Буренкова

УДК 82-36

А. Э. ЕРЕМЕЕВ

Омская гуманитарная академия

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО ОБОБЩЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В статье рассматривается роль пушкинского опыта в формировании философской прозы раннего творчества А.И. Герцена. Особое внимание сосредоточено на жанре исторического анекдота, вбирающего в себя конкретное социально-историческое и обобщающее философское содержание. Осмыслиются особенности изображения феномена человеческого сознания в русской прозе первой трети XIX в. Ключевые слова: русская философская проза, риторическая традиция, условно-автобиографическое «я», анекдот, «новый миф», параболы.

В отечественном литературоведении неоднократно исследовался вопрос о философском качестве русской литературы 30-х гг. XIX в. [1–6], как в плане проблематики, эстетических основ, культурных влияний, так и в плане художественного воплощения. Предметом настоящей работы будет частный аспект вопроса о роли пушкинского художественного опыта в формировании прозы молодого А. И. Герцена. Речь пойдет о художественных функциях философского обобщения в форме исторического анекдота. Именно этот тип философского обобщения, впервые осуществленный Пушкиным, был необходим в прозе Герцена, чтобы передать живое взаимодействие прошлого, настоящего и будущего в художественном времени, острее выявить парадоксальность современной жизни. Для молодого Герцена переосмысление и творческое овладение пушкинским методом философского обобщения связано со

становлением специфической художественности историзма его прозы.

Большинство незавершенных произведений Герцена 30-х гг. представляют собой чистый автобиографический материал: факты жизни писателя, его мысли, впечатления, не подвергшиеся художественной объективации. Этим объясняется их риторичность, декларативность, нехудожественность. Для того, чтобы возвести факты в смысл, выявить их место в общей взаимосвязи явлений, необходимо авторское обобщение, своеобразное дистанционирование субъектов рассказа по отношению к событию, изображение многообразных реакций на сюжетное событие.

В пушкинской прозе впервые на смену собственному фабульному интересу развития действия приходит «развертывание вещи на материале» [7, с. 155], но этот руководящий принцип внутренней формы стал возможен благодаря огромному философскому

потенциалу авторского вымысла — обобщению. По точному замечанию Ю. Тынянова, это достигается «переключением из одного плана в другой», причем «значение этого переключения не статическое, а энергетическое» [7, с. 138]. Иначе говоря, философская проекция пушкинского повествования часто создается за счет смыслового сопряжения двух временных планов — прошлого и настоящего, а точкой такого сопряжения [6, с. 167–168], средством «переключения из плана в план» становится апофеоз, хрия, исторический анекдот.

Если до 30-х гг. истинная сущность русской жизни сосредоточена во внутреннем, сокровенном мире индивидуальной души (герои В. Одоевского, Д. Веневитинова, Н. Станкевича), то Герцен в своей прозе открывает наряду с богатым внутренним миром бесконечную содержательность деятельной общественной жизни, которая бесконечно богаче расщепленной логики заданных сюжетов любомудров. Герцен, как и Пушкин, стремится перелить эту жизнь в сознание, сделать её духовно постигаемой.

Герцену на протяжении всего творческого пути присущ огромный интерес к биографическим этюдам, историческим анекдотам, афористическим миниатюрам, которые он обильно вводит в свои произведения. Однако именно освоение пушкинского художественного опыта позволило молодому писателю рассказы о великих людях в качестве своеобразной призмы для выявления исторической идеи современности, для художественно зримого воссоздания живой связи времен. Думается, что сравнительное сопоставление роли исторического анекдота и его художественных функций в организации художественного целого в «Египетских ночах» и некоторых незавершенных отрывках («Гости съезжались на дачу...», «Мы проводили вечер на даче...») А. С. Пушкина и в очерке А. И. Герцена «Первая встреча» (1836 г.) поможет существенно уточнить вопрос о пушкинских формах философского обобщения, сыгравших важную роль в формировании историзма молодого Герцена. Историко-биографическое рассмотрение вопроса о непосредственном или опосредованном влиянии¹ принципов пушкинского прозаического повествования на Герцена не входит в задачи данной работы, так как все сопоставления в области поэтики этих писателей носят типологический характер.

Композиция «Египетских ночей» построена на антитезе высокого и низкого, которая пронизывает собой все в повести. Так, Чарский предстает нам то светским бездельником, то поэтом, появление импровизатора раскрывает его противоречивый внутренний мир, в котором уживаются «неизъяснимый талант», «быстрота впечатлений», «вдохновение» и забота о «цене хорошей» за билеты. Его первая импровизация о поэте тоже наполнена контрастными образами («Едва достиг ты высоты, и вот уж долу взор низводишь и низойти стремишься ты» [8, с. 277]). Сцена, предшествующая легендарной истории Клеопатры, пронизана вопиющими несоответствиями видимости и сущности. По справедливому мнению современного исследователя, у Пушкина прошлое проясняет сокровенную сущность настоящего тем, что, если «в историческом плане (варварском времени Клеопатры), пусть и в жестоком смысле, все же сочетаются понятия любовь и жизнь», то «в бытовом времени сюжета, в аристократической, утонченной зале княгини, за сочетанием слов любовь и жизнь просвечивается их истинное сцепление — любовь и торговать» [6, с. 174].

Итак, в «Египетских ночах» перед нами гениальное творческое открытие Пушкина: в художественном целом произведения импровизация о Клеопатре — не вставной эпизод, не фрагмент, а своеобразный смысловой центр, найденная форма сгущения философской сути исторического времени в разрезе вечности. Это не мешает легендарному анекдоту обладать известной самостоятельностью и завершенностью. Недаром поэт будет публиковать его отдельным стихотворением. Найденному Пушкиным художественному способу философского обобщения в форме вставной истории, рассказа в рассказе², суждена будет долгая жизнь в русской литературе: отзовется он в творчестве зрелых А.И. Герцена («Былое и думы») и Ф. М. Достоевского («Легенда о Великом инквизиторе»), в прозе И. С. Тургенева («Призраки»), А. П. Чехова («Студент») и А. М. Горького («Старуха Изергиль»). Нам предстоит рассмотреть, как одновременно с пушкинскими поисками подобный способ философского обобщения «прорастает» в прозе молодого Герцена.

Возникающая благодаря историческому анекдоту и протянувшаяся от него к современной действительности парабола располагает к игре ума, выявлению сходного в разных эпохах, интенсивному обобщению. В историческом поступке обнаруживается постоянство ситуации человеческого и природного бытия, постигаемое за счет снятия национальной ситуации и выдвигания на первый план абсолютизированного общечеловеческого опыта. Современный быт, просвечиваемый этим прошлым опытом, человек и его судьба становятся многомерными, ибо мир вокруг него, не теряя внешней узнаваемости, приобретает дополнительную глубину.

В современной ситуации, коллизии, характере, сюжете расшатываются все устойчивые грани, они обретают диалектическую противоположность, в итоге за счет рождающегося симфонизма выстраивается новый, скрытый мир, где мотивы заданной темы взаимопроникают друг в друга и подчас меняются местами.

Пушкин в своих прозаических опытах обращается к жанровому приему синкрисиса (сопоставления) [9, с. 158], когда герои превращаются в двуединый инструмент для выяснения некоторой общей ситуации. Диалектически осваивая опыт этого жанра, Пушкин выявляет во времени и пространстве два образно-смысловых ряда: исторически обусловленное «высокое» и бытовое «низкое». Герцен, используя художественный опыт предшественников в очерке «Первая встреча», вводит важный для своего творческого метода социальный аспект.

Первоначальное название «Германский путешественник» наводит читателя на мысль, что главным сюжетным событием очерка является встреча и общение повествователя с рассказчиком-иностранцем. Вставная же история о встречах путешественника с Гете помогает выявить глубинное сходство взглядов собеседников и переключить рассказ из социально-бытового в философско-исторический план, то есть выполняет художественные функции, аналогичные тем же, что и история о Клеопатре в «Египетских ночах» Пушкина.

Однако эпиграф к очерку, взятый из гетевской пьесы «Мятежные»: «Я не могу судить, что хорошо и что плохо в том, что делает французская революция. Я знаю только, что благодаря ей у меня этой зимой на несколько пар чулок больше» (действие I, сцена I), вводит специфическую для произведения этого жанра проблему разных способов видения жизни,

разных точек зрения на событие. Эффект от рассказа путешественника основан на несовпадении его взгляда на великого поэта с общепринятым мнением, причем характер каждого мировосприятия обусловлен исторически, складывается под воздействием духа времени. Само общение повествователя, путешественника и гостей обнаруживает сложную связь с «духом века». Недаром эпитафия к «Первой встрече» выполняет сложные художественные функции, ориентируя читателя и на предмет рассказа путешественника, и на внимание к гетевскому истолкованию и изображению французской революции, указывая на незавершенность и противоречивость исторических событий, смысл которых каждому современнику открывается по-разному. Подобно пушкинским эпитафиям, предпосланная «Первой встрече» цитата из пьесы Гете «Мятежные» создает культурно-исторический фон повествования и звучит как своеобразный «голос из мира» [5, с. 184], которому откликаются споры героев очерка. Вместе с тем эпитафия Герцена откровенно иронична, он попушкински сближает мнение о революции героини пьесы Луизы с высказываниями Гете, сопоставляя ее трезвый и ограниченный утилитаризм и гетевскую «холодность к судьбам мира». То есть здесь эпитафия, — по словам В. Шкловского, — служит уточнением идеологической характеристики» [10, с. 71].

Если в «Египетских ночах» Пушкина система эпитафий разворачивала перед читателем эволюцию разноречивых мнений об импровизаторе от иронической реплики из французского «Альманаха каламбуров» до цитаты из оды Державина («Я царь, я раб, я червь, я бог») и чистой фактичности сообщения о цене билетов в афише вечера импровизатора, то Герцен акцентирует собственно исторический аспект. Дух истории предстает не в декларативных прямых высказываниях, а преломляется в способе видения мира героями, в их образе мыслей. Может быть, для того, чтобы избежать прямолинейной публицистичности, Герцен убрал второй эпитафия³, существовавший первоначально в рукописи.

Начинается очерк встречей повествователя с путешественником в гостиной, выбор места действия не случаен. В светской гостиной-салоне происходят встречи, не имеющие характера случайности, здесь создаются литературные, политические, деловые репутации, представлены градации новой социальной иерархии, происходят диалоги, споры, поединки «идей». М. М. Бахтин так характеризует художественное пространство гостиной-салона: «Главное же во всем этом: сплетение исторического и общественно-публичного с частным и даже сугубо приватным. Здесь сгущены, сконденсированы наглядно-зримые приметы как исторического времени, так и времени биографического и бытового, и в то же время они теснейшим образом переплетены друг с другом, слиты в единые приметы эпохи. Эпоха становится наглядно-зримой и сюжетно-зримой» [11, с. 395–396].

В русской прозе 30-х гг. это художественное пространство впервые обрело характер социально-исторического обобщения именно у Пушкина, который с гениальной прозорливостью впервые стал испытывать жизненный уклад света огромной общечеловеческой мерой, сталкивая в сознании и рассказах своих героев «ужасные нравы древности» и «нынешние нравы». Думается, этим объясняется столь частое совпадение отдельных мотивов, композиционных приемов обрамления, стилистических обертонов в пушкинской прозе и «Первой встрече» Герцена. Здесь речь идет не о прямых заимствованиях

у Пушкина или переключках-реминисценциях: просто емкие пушкинские детали-обобщения стали своеобразной формой сгущения смысла, которой не могла не воспользоваться русская литература впоследствии. Достаточно рассмотреть лишь некоторые из этих моментов (табл. 1).

Естественной предпосылкой для сближения стиля прозаического повествования Пушкина и Герцена являются не только смысловые и сюжетные переключки, параллелизмы, аллюзия, трансформация мотивов, традиционных еще для романтизма, но также и самый склад прозаической речи. Лаконичность и динамизм речи повествователя, который отчетливо, сжато, не вдаваясь в психологические тонкости, ведёт рассказ, проникнутый легкой иронией, свойственны и Пушкину, и Герцену. Многие сцены и характеристики героев, как у Пушкина, так и у Герцена, строятся по принципу исторического анекдота с быстрым фабульным действием и резким обозначением характеров на фоне нравов эпохи [13, с. 91]. Часто абзац или эпизод завершается короткой, динамичной фразой — острым словом, ироническим признанием, шуткой. Замеченная А. В. Чичериным у Пушкина подчеркнутая антиромантичность рассказчика чрезвычайно важна и у Герцена, ибо здесь, несмотря на стереотипы романтической патетики в речи его героев, осуществляется взгляд стороннего, чуть отчуждённого и рассеянного наблюдателя [13, с. 92].

Симптоматично начало «Первой встречи»: как и пушкинские первые фразы, все начинается сразу с действия, без авторской предпосылки, здесь тоже «границы прозы совпадают с границами изображенной действительности» [5, с. 109].

«...Взошедши в гостиную, я увидел незнакомого человека, которого тотчас почел за иностранца; ибо несколько молодых людей постоянно выказывали ему себя, беспрестанно тормошили его» [12, с. 108]. Герценовский повествователь дает удивительно динамичный портрет иностранца: это не просто описание внешности, а постепенное проникновение в суть личности, смена взглядов, ощущений рассказывающего лица. Совмещение противоречивых черт в облике одного человека как бы открывает перед читателем различные его ипостаси. У Пушкина в подобных случаях взгляд повествователя провидит взаимоисключающие варианты жизненных ролей героя, внешне статичное изображение как бы расщепляется в видении и сознании рассказчика, словно домысливая судьбу изображенного лица. В основе такого портрета лежит живое ощущение противоречий эпохи, формирующей подобные типы личностей и подобные способы видения человека, здесь историческое и индивидуально-характерное становится взаимопроницаемым. Самый подход к личности у Пушкина и у Герцена с первых шагов изображения конкретно-историчен, несомненно, что творческое освоение пушкинского историзма шло у Герцена параллельно формированию собственно творческого метода. Многочисленные стилистические соответствия не снимают индивидуальных особенностей и не заглушают оригинальность творческого метода этих художников.

Рассмотрим портрет германского путешественника в «Первой встрече» и впечатление рассказчика при первом появлении импровизатора в «Египетских ночах» (табл. 2).

Оба героя увидены в известной мере через призму бытовых романтических штампов, этот способ восприятия вдвойне чужого (незнакомца, да еще иностранца) человека будет преодолеваться в ходе

<p>Пушкин «Мы проводили вечер на даче у княгини Д. Разговор коснулся до m-me de Stael. Барон Д на дурном французском языке очень дурно рассказал известный анекдот» («Мы проводили вечер на даче...»), [8, с. 442]. «На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествуя испанец, казалось, живо наслаждался прелестию северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке: «Как хороша ваша северная ночь, - сказал он наконец, - и как не жалеть об её прелести даже под небом моего отечества?» («Гости съезжались на дачу...»), [8, с. 393]. «-Вы так откровенны и снисходительны, - сказал испанец, - что осмелюсь просить вас разрешить мне одну задачу: я скитался по всему свету, <...> но нигде не чувствовал себя так связанным, так неловким, как в проклятом вашем аристократическом кругу. Всякий раз когда я вхожу в залу княгини В. - и вижу эти немые, неподвижные мумии, напоминающие мне египетские кладбища, какой-то холод меня пронимает» («Гости съезжались на дачу...») [8, с. 401].</p>	<p>Герцен «Говорили о французской литературе, метали наружу все, что есть в голове» («Первая встреча»), [12, с. 109]. Я вышел на балкон. Месяц светил всем лицом своим, и небольшой ветер освежал прохладой и обливал запахом воздушных жасминов; это была одна из тех пяти или шести ночей, когда можно в Москве быть на воздухе, не проклиная ее северной широты. Он [германский путешественник. - А. Е.] молчал, и ещё более я заметил, что он все внимание обратил на луну; наконец он вздохнул и, обращаясь ко мне, сказал: «Я теперь <вспоминаю> прелестную ночь, одну из самых святых минут моей жизни. Года два тому назад я жил в Венеции <...> Что это за ночь была! Вы меня извините, нынешний вечер — одно бледное подражание, даже не похожее; я упивался и луною, и воздухом, и видом» («Первая встреча»), [12, с. 121-122]. «Вообще лицо его (путешественника. - А. Е.) было чрезвычайно холодное, но в этом холоде виднелся огонь, <...> Что за человек, - думал я, - и этот немец? Нисколько непохож он на biases нынешнего века <...> От него не веяло морозным холодом этих людей...» («Первая встреча») [12, с. 108, 121].</p>
---	--

Таблица 2

<p>Пушкин «Он был высокого роста - худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны; бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая белые щеки, обличали в нем иностранца <...> Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе - за политического заговорщика; в передней - за шарлатана, торгующего эликсирами и мышьяком» («Египетские ночи») [8, с. 228].</p>	<p>Герцен «Он был пожилой человек, среднего роста, худой и плешивый; молочный свет лампы, покрытой тусклым колаком, придавал что-то восковое его бледному лицу, <...> серые глаза его блистали, как у молодого человека; рот делал нечто вроде улыбки, которая с первого взгляда могла показаться за добродушие, но в которой второй взгляд видел насмешку, а смотря далее, казалось, что ее совсем нет и что этот рот не может улыбаться. Вообще лицо его было чрезвычайно холодное, но в этом холоде виднелся огонь, как в холодном ревербере лампы...» («Первая встреча») [12, с. 108].</p>
---	--

развертывания повествования. И в «Первой встрече», и в «Египетских ночах» чрезвычайно важной темой станет процесс понимания чужого мира, более того понимание и импровизатора, и германского путешественника в композиции каждого произведения будет прояснять характер духа времени, характеры будут многими нитями связаны с ним. В каждом из произведений важную роль будет играть фон, чуждость рассказчика-иностранца светским слушателям станет дополнительной мотивировкой внутреннего сближения основного повествователя с ним, отношение к салонным «защитникам века» обнаружит их духовную общность, выявит возможность сближения. У Пушкина этот мотив только намечется в сочувствии Чарского импровизатору, у Герцена приобретет характер фабульного лейтмотива на «узнавании друг друга» храмовыми рыцарями XIX в., «близкими родственниками души», будет строиться смысловая связь всех задуманных «встреч». Множественность рассказчиков, сложность структуры повествования, строящегося на нанизывании историй, услышанных от разных лиц, освещение фигуры Гете с разных точек зрения в очерке Герцена будут обусловлены необходимостью не только рассказать случай, изобразить событие, но и изобразить самый процесс изменения способа видения мира по мере рассказывания.

Как в «Египетских ночах» Пушкина, история Клеопатры по мере сопоставления с любовными коллизиями современности вырастает в масштабе, становится грандиознее, видится в разных ракурсах, обнаруживая свой непреходящий смысл, так и фигура великого немецкого поэта, несмотря на осуждение путешественника, вырастает в обобщение творца-художника всех времен именно благодаря применению к нему рассказчиком особой меры — способности жить «общей жизнью человечества» [12, с. 117].

И Клеопатра у Пушкина, и Гете у Герцена оказываются живым воплощением своего времени, их жизнь, нравы отражают смысл целой эпохи. И у

Пушкина, и у Герцена смысловая историческая перспектива оказывается открытой, незавершенной. Пушкину легендарный анекдот необходим, чтобы он в сопоставлении с современными нравами помог выявить соотношение истины и лжи, благородства и низости в русской жизни XIX в. У Герцена рассказы о встречах Гете нужны в конечном итоге для того, чтобы помочь решению основной русской проблемы 1830-х гг. — вопросу о соотношении идеала и действительности, философии истории и активного исторического действия. Оба писателя с помощью введения своеобразного «нового мифа», каким выступает тория великого человека, выявляют важные тенденции современной действительности, акцентируют те или иные ее стороны, причем осуществляется это не в прямом высказывании, а в соотношении и взаимодействии различных реакций слушателей. Неслучайно, что и в том, и в другом случае анекдот о великом человеке укрупняет масштаб изображения, создает историческую меру. Иными словами, анекдот о великом человеке выполняет в художественной структуре «Египетских ночей» Пушкина и «Первой встрече» Герцена те же функции, что и всякий миф (безразлично традиционно-фольклорный или «искусственный»)⁴.

Излюбленным ходом художественной мысли Герцена становится опрокидывание устоявшегося тезиса. Таким образом, и у Пушкина, и у Герцена объективность в одно и то же время выступает как субъективная реальность, а мысль и деятельность субъекта полны объективного общезначимого содержания.

Несомненно, что, как апофеогма о Клеопатре у Пушкина, так и рассказ о встрече с Гете у Герцена задают в рамках художественного целого свою систему «ценностных ориентиров», каждая из которых тесно связана со способом видения рассказчика. Недаром «Египетские ночи» начинаются с предистории Чарского, мотивирующей его первоначальную реакцию в знакомстве с импровизатором.

У Герцена «германский путешественник» тоже

сначала рассказывает свою историю и лишь потом свои встречи с Гете. Причем этот рассказчик постоянно рефлектирует над самим способом своего видения, соединя бытовую и мифологически-легендарный планы. Например: «... я не продолжал слушать, удивляясь, как Зевсова голова попала на плечи к веймарскому дипломату» [12, с. 113]; или: «...он был уже в дверях, и я не мог посмотреть на Гете как на Гете» [12, с. 116].

Однако есть и существенное различие в организующей роли историй о великих людях в «Египетских ночах» и «Первой встрече». У Пушкина древний анекдот и современные сюжетные коллизии соотносятся, сравниваются, но существуют в разных планах, даже рассказываются разными субъектами повествования. Таким образом, все явления оказываются взаимосвязаны, но каждое из них сохраняет известную автономию, обладает своей правдой, не исчерпанной до конца в процессе повествования. Воссозданная Пушкиным иллюзия саморазвития действительности сохраняет живую целостность явления.

У Герцена основной повествователь является еще и героем, участником салонного диалога, для него вопрос об осознанности исторического деяния, о форме связи личной судьбы и истории решается в споре, диалоге, одним из элементов которого выступает рассказ путешественника о Гете. Сложность и многосторонность проблемы намечена повествователем Герцена как тенденция, однако явная риторическая основа очерка о беседе-встрече в салоне позволяет дать произведению внешнекомпозиционное завершение. Намеченная первоначально во втором, впоследствии зачеркнутом эпиграфе тема «страны, постигающей дух века», завершается анекдотом о лорде Гамильтоне, который, «проведя целую жизнь в отыскивании идеала изящного между кусками мрамора и натянутыми холстами», нашел его в живой ирландке [12, с. 122]. Очевидный афористический характер этой истории придает завершению в известной степени однозначный характер, полнота жизненного явления декларируется, но не воссоздается в художественном целом.

В «Первой встрече» Герцена условно-автобиографическое «я» является основным структурным элементом произведения. Даже «миф» о Гете выступает как проекция вечных проблем в современности, как ответ на один из вопросов, которыми это «я» мучается в период становления собственного сознания как общественной ценности. То, что «миф» дается не сам по себе, а включен в обрамляющий его рассказ о встрече с «германским путешественником», беседе с ним, воспринимается не просто как прием, утвердившийся в литературе 30-х гг., а как ведущий способ воспроизведения жизни, через «миф», осуществляющий введение целостного бытия в опыт личностного сознания условно-автобиографического «я» и героя. Здесь происходит их различие и сращение в одно и то же время.

В условно-автобиографическом «я» синтезируются две основные стихии: саморазвивающегося бытия и отражающего его сознания. Герцену интересно не событие само по себе (в данном случае рассказ о Гете), а отражающее его сознание. Весь интерес «встреч» состоит в значении этого обнаружения духовного родства для внутреннего мира рассказчика, в том, что мир дается через призму сознаний «германского путешественника» и основного рассказчика.

У предшественников Герцена вплоть до Пушкина личностный аспект менее значим, у них «миф» —

это историческое событие, которое подается как всеобщая истина, объективно, вне зависимости от понимания ее рассказчиком. У Герцена с помощью условно-автобиографического «я», взаимодействующего с сознанием путешественника, происходит как бы расщепление объекта рассказа, предмет дается в двойном освещении, так что отражение жизни в призме субъективного сознания составляет постоянный интерес повествования. Причем при неослабевающем читательском интересе к пути, ходу личного субъективного личностное переживание повествователя-героя оказывается социально и исторически обусловленным.

Примечания

¹ Повесть А.С. Пушкина «Египетские ночи» и отрывок «Мы проводили вечер на даче...» датируется 1835 годом, повесть была впервые напечатана в «Современнике» (1837, т. VIII) уже после смерти поэта. Пушкинский отрывок из ненаписанного романа «Гости съезжались на дачу...» относится предположительно к 1828-1830 гг.

Трудно сказать, был ли Герцен знаком с «Египетскими ночами» и незавершенными отрывками Пушкина. Для нас важнее обнаружить общую тенденцию в развитии русского художественного сознания 30-х годов XIX в., которая прокладывает себе путь в творчестве Пушкина, В.Ф. Одоевского, молодого Герцена. Даже если подобные аналогии в творчестве великого русского поэта и начинающего писателя объясняются не прямым влиянием, а коренятся во внутренних потребностях эпохи, с необходимостью сформировавшейся у разных авторов подобный способ ее философского осмысления, они значимы и, несомненно, нуждаются в подробном рассмотрении.

² Необходимо заметить, что речь идет не о самом приёме «рассказа в рассказе», а об особой философской форме воплощения образа мира, позволяющей включать настоящее в любую историческую точку, впервые блистательно реализованной в прозе Пушкина.

³ Это были слова Наполеона: «Среди наций, выступающих теперь на европейской арене, нет ни одной, которая постигала бы дух нашего века» [12, с. 465].

⁴ Вот как характеризует роль подобного «мифа» в структуре художественного целого современный исследователь: «Традиционный, общенародный миф обеспечивал человеку, ... живущему под знаком этого мифа определенный способ видения мира и всего, в этом «мире» происходящего и в него попадающего. Метафорически выражаясь, роль мифа в том и состоит, что он показывает человеку, где «верх» (нравственное, благородное, прекрасное) и где — «низ» (безнравственное, неблагоприятное, безобразное)» [14, с. 133].

Библиографический список

1. Кожин, В. В. Немецкая классическая эстетика и русская литература / В. В. Кожин // Традиция в истории культуры. — М.: Наука, 1978. — С. 191 — 197.
2. Манн, Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. — М.: Искусство, 1969. — 304 с.
3. Маймин, Е. А. Русская философская поэзия / Е. А. Маймин. — М.: Наука, 1976. — 190 с.
4. Касаткина, В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева / В. Н. Касаткина. — М.: Просвещение, 1978. — 176 с.
5. Бочаров, С. Г. Поэзия таинственных скорбей / С. Г. Бочаров // Баратынский Е. Стихотворения. — Новосибирск, 1979. — С. 5 — 19.
6. Селезнев, Ю. В мире Достоевского / Ю. Селезнев. — М.: Современник, 1980. — 512 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1969. — 424 с.
8. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5 / А. С. Пушкин. — М., 1975. — 472 с.

9. Аверинцев, С. Большие судьбы малого жанра (Риторика как подход к обобщению действительности) / С. Аверинцев // Вопросы литературы. — 1981. — № 4. — С. 153–179.

10. Шкловский, В. Заметки о прозе русских классиков / В. Шкловский. — М.: Лениздат, 1953. — 324 с.

11. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.

12. Герцен, А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1 / А. И. Герцен. — М.: АН СССР, 1954. — 560 с.

13. Чичерин, А. В. Очерки по истории русского литературного стиля / А. В. Чичерин. — М.: Художественная литература, 1977. — 445 с.

14. Давыдов, Ю. «Интеллектуальный роман» и философ-

ское мифотворчество / Ю. Давыдов // Вопросы литературы. — 1977. — № 9. — С. 35–44.

ЕРЕМЕЕВ Александр Эммануилович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, ректор Омской гуманитарной академии.

Адрес для переписки: pou_ogu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2012 г.

© А. Э. Еремеев

УДК 821.111(73)

Л. И. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Омский государственный
технический университет

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В РАСКРЫТИИ ИДЕИ И СОДЕРЖАНИЯ РОМАНА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию литературного мастерства и гражданской позиции автора романа «Спрут» — американского писателя Фрэнка Норриса. Анализируется композиционное построение образа главного героя. Отмечается роль научных и технических терминов в раскрытии содержания романа.

Ключевые слова: гармония, романтика, реалистичность, землевладельцы, арендаторы, поэт, песня.

Анализ художественных произведений в английской и американской литературе показывает, что их отличительной чертой является использование довольно большого количества научных и технических терминов. Функцией этих терминов является реалистическое описание событий. Выбор той или иной терминологии зависит от содержания произведения. Иногда используется терминология одной, иногда двух и более областей деятельности. Мы будем рассматривать роль художественного образа в раскрытии идеи на примере романа американского писателя Фрэнка Норриса «Спрут». В этом произведении были выявлены специальные термины нескольких областей: сельскохозяйственные, железнодорожные, экономические, юридические, медицинские (анатомические), зоологические и ботанические. Все термины перечисленных групп несут определенную смысловую нагрузку, способствуют передаче содержания и раскрывают замысел и идеи автора романа.

Сельскохозяйственные термины создают общий фон повествования, где речь идет о земельных участках, на которых люди занимаются выращиванием пшеницы и винограда, а также разведением скота. Для этого используются такие термины, как: stop, harvest (урожай), wheat (пшеница), seeds (семена), winter's sowing (озимые), grain (зерно), seeder (сеялка), hop (хмель), raising of cattle (скотоводство), sheep (овцы), rancheros (землевладельцы), vineyard (виноградник), seed ranch (семенная ферма).

Железнодорожные термины используются для

описания реальных ситуаций, связанных с рабочими этой сферы: depot (депо), railroad shops (железнодорожные мастерские), tank (резервуар), brake (тормоз), freight depot (товарная станция), passenger depot (пассажирская станция), train (поезд), platform (платформа), siding (запасной путь), switch (стрелка), track (колея), tender (тендер), fireman (кочегар), division (перегон), open track (открытый путь), rails (рельсы), to run the train (водить поезд).

Экономические термины представляют достоверную картину состояния фермерских хозяйств, их затрат и убытков: hauling (перевозка), store-keeper (оптовик), retailer (розничный торговец), real estate (недвижимость), mortgage (ипотека), to supply (поставлять), management (управление), tenant (арендатор), rates (расценки), to cut price (снижать цену), tariff (тариф, расценка), option (право покупки/продажи), employee (работник, служащий), to be on run (управлять чем-либо), profit (прибыль), to save (делать сбережения), applicant (претендент), pledge (обязательство, обеспечение, залог), shipping point (пункт отгрузки), transfer (перевозка), carrier (перевозчик), draft (чек), Exchange Building (фондовая биржа), delay (задержка), fund (фонд), withdrawal (уход, увольнение).

Юридические термины раскрывают трудное положение фермеров и рабочих в борьбе с железнодорожной компанией в результате бесконечных, безнадежных судебных разбирательств: case (иск), count (суд), the process of the law (судебный процесс), lawyer (адвокат), attorney (прокурор), to lose the case

(проиграть дело), to give decision (вынести решение), confiscation of property (конфискация собственности), legitimate (законный), to legislate (принять новый закон).

Части романа, описанные с помощью четырех перечисленных групп терминов, объединены присутствием в различных ситуациях, встречами и беседами с фермерами и железнодорожниками, одного из главных персонажей — Пресли. Роман начинается с описания его поездки в район долины Сан-Хоакин. На велосипеде он проезжает населенные пункты Бонвилль, Гвадалахару и фермы арендаторов Гувена и Деррика.

Автор романа дает портретное описание Пресли, но, по нашему мнению, больший интерес представляет его внутреннее содержание — у Пресли было больше утонченности, чем физической силы; по своему нравственному облику он относится к тем людям, которые избегают причинять зло, потому что обладают хорошим вкусом, не отличаются решительностью и не находят для этого благоприятного случая. В общем, у него был темперамент поэта и он часто погружался в мечты: «One guessed that Presley's refinement had been gained only by a certain loss of strength; it could be foreseen that morally he was of that sort who avoid evil through good taste, lack of decision, and want of opportunity. His temperament was that of the poet; when he told himself he had been thing, he had... been only brooding» [1, с. 24]. Пресли имел образование, он окончил один из восточных колледжей и получил ученую степень, он все свое время посвящал изучению литературы, особенно поэзии.

Через видение Пресли, через его оценку окружающей жизни, через описание его встреч и бесед с людьми во время поездки по территории, где находились фермы арендаторов, автор романа ведет повествование о жизни на юге Калифорнии, об отношениях между землевладельцами и арендаторами, а также передает свои мысли, о чем он хотел написать роман.

Когда один из пострадавших арендаторов, Гувен, хотел поделиться с Пресли своими неприятностями, тот не очень хотел останавливаться и слушать его, он считал это лишней тратой времени, потому что эти огулбевшие, доведенные до скотского состояния люди, батраки и мелкие арендаторы с вьезшейся в кожу земель, на которой они работали, были совершенно ему чужды. Никогда он не сочувствовал им, их обычаям, их свадьбам, их жизни и смерти, их ссорам — всему их однообразному, убогому существованию: «These uncouth brutes of farm-hands and petty ranchers, grimed with the soil they worked upon, were odious to him beyond words. Never could he feel in sympathy with them, nor with their lives, their ways, their marriages, deaths, bickerings and all the monotonous round of their sordid existence» [1, с. 21].

Несмотря на такое отношение к людям, Пресли мечтал стать поэтом. Но о чем бы он ни писал, он все время мечтал создать поэму о Западе, об этом рубеже романтики, где селились новые люди — стойкие, мужественные, страстные; где бурно кипящая жизнь горела неугасимым пламенем с утра до вечера, примитивная, жестокая, честная и бесстрашная. Он мечтал о широком размахе, о великой песне, которая охватит всю эпоху, всю эру, голос всего народа, — его легенды, его фольклор, его борьбу, его любовь и страсть, его грубый, мрачный юмор, его твердость и мужество в жизненных испытаниях, его приключения, его сокровища, добытые за один день и проигранные за одну ночь, его прямую, грубую речь, его великодушные и жестокость, его героизм и

чувственность, его религиозность и богохульство, его готовность к самопожертвованию и бесстыдство, он нарисует правдивую, смелую, беспощадную и искреннюю картину проходящей исторической эпохи: каждую группу в ее естественной стихии; долина, равнина, горы; ранчо, пустошь, шахта — все это, все черты и типы каждой общины от Дакоты до Мексики, от Виннипега до Гваделупы, и все это будет собрано, объединено и слито воедино в могучей песне, «Песне о Западе»: «But whatever he wrote, and in whatever fashion, Presley was determined that his poem should be of the West, that world's frontier of Romance, where a new race, a new people — hardy, brave, and passionate — were building an empire; where the tumultuous life ran like fire from dawn to dark..., primitive, brutal, honest, and without fear. ... He strove for the diapason, the great song that should embrace in itself a whole epoch, a complete era, the voice of an entire people, wherein all people should be included — they and their legends, their folk lore, their fightings, their loves and their lusts, their blunt, grim humour, their stoicism under stress, their adventures, their treasures found in a day and gambled in a night, their direct, crude speech, their generosity and cruelty, their heroism and bestiality, their religion and profanity, their self-sacrifice and obscenity — a true and fearless setting forth of a passing phase of history, uncompromising sincere; each group in its proper environment; the valley, the plain, and the mountain; the ranch, the range, and the mine — all this, all the traits and types of every community from the Dakotas to the Mexicos, from Winnipeg to Guadalupe, gathered together, swept together, welded and riven together in one single, mighty song, the song of the West» [1, с. 25].

В приведенном примере нельзя не отметить ряд стилистических приемов, выполняющих функцию воздействия на читателя, усиления впечатления об окружающем мире в стране того периода, функцию раскрытия идей, замыслов и желаний автора романа через описание стремлений его персонажа. Пресли хотел воспеть жизнь, которая горела бы, как огонь (life ran like fire), который с древнейших времен воспринимался человечеством как символ вечности. Эта идея выражена с помощью лексического стилистического приема сравнения. Способом привлечь внимание читателя к различным сторонам жизни страны является синтаксический стилистический прием — повтор, который интонационно и ритмически образует параллельные конструкции. Повтор местоимения «their» подчеркивает, что все мысли и душа персонажа — Пресли, а через него и автора романа — Фрэнка Норриса, обращены к народу его страны. Более того, страстное желание автора объединить весь народ своей страны от границы до границы передается с помощью технического термина to weld — сваривать металл, подчеркивая тем самым монолитное единение всех сторон жизни своей страны, как он и мечтал.

Лучшего гимна своей стране и замысла самого автора романа придумать невозможно. Он сам описал содержание своего шестисот страничного произведения. Но, чтобы осуществить все изложенные в предыдущем отрывке замыслы и еще более реалистично раскрыть ситуацию в стране в 90-е годы XIX века, Норрис продолжил трилогию и написал роман «Омут» (The Pit, 1903) и рассказ «Сделка с пшеницей» (A Deal in Wheat, 1902).

После описания встречи и беседы Пресли с Гувеном Хэрреном автор снова обращается к рассуждениям о жизни в долине, о том, что все эти дела, вечные

жестокое споры между фермерами долины Сан-Хоакин и Тихоокеанской и Юго-Западной железной дорогой раздражали его. В картину того огромного романтического Запада, которая рисовалась его воображению, эта борьба врывалась грубыми красками, нарушая гармонию его великого замысла.

Романтика Запада представлялась ему безупречной, пока он не сталкивался с реальной действительностью. И здесь романтика кончалась, становилась грубой, непривлекательной повседневностью. Вся возвышенная поэзия сельской жизни долины омрачалась этими фактами: «These matters, these eternal fierce bickerings between the farmers of the San Joaquin and the Pacific and Southwestern Railroad irritated him. In the picture of that huge romantic West that the saw in his imagination, these dissensions made the one note of harsh colour that refused to enter into the great scheme of harmony. The romance seemed complete up to that point. There it broke, there it became realism, grim, unlovely. All the noble poetry of the ranch — the valley — seemed in his mind to be marred and disfigured by the presence of certain immovable facts» [1, с. 27].

Действительность в самом деле была трудной, непреодолимой и противоречивой, и сомнения, приписываемые автором роману главному герою, относительно диаметрально противоположных оценок реальной и воображаемой жизни, явно принадлежат самому автору. Это подтверждается последующими рассуждениями о том, что Пресли едва ли точно знал, чего хочет. С одной стороны, он стремился изобразить жизнь такой, какой ее видел, с другой — ему хотелось видеть ее в розовом свете. Он хотел дать абсолютно правдивое, поэтическое изображение жизни земледельцев, но он вновь и вновь наталкивался на железную дорогу, несокрушимый барьер, о который вдребезги разбивалась его романтика. Он мечтал об истинной романтике, а слышал только о ценах на пшеницу и о несправедливых железнодорожных тарифах: «On one hand, it was his ambition to portray life as he saw it..., on the other hand, he wished to see everything through a rose-coloured mist... He had set himself the task of giving true, absolutely true, poetical expression to the life of the ranch, and yet, again and again, he brought up against the railroad, that stubborn iron barrier against which his romance shattered itself... He searched for True Romance, and, in the end, found the grain rates and unjust freight tariff» [1, с. 28].

В данном отрывке явно прослеживается борьба романтических устремлений самого автора романа и изображаемой им реальной действительности. А действительность была такова, что для прокладки железной дороги нужно было снести все фермерские хозяйства арендаторов земли, где они выращивали пшеницу, а для них это означало разорение,

голод и смерть. Термины wheat (пшеница) и octopus (спрут) являются ключевыми символами романа. То, что пшеница олицетворяла собой жизнь, автор романа прекрасно выразил в отрывке и словах своего другого главного героя — Энникстера, который, увидев на своем поле всходы, радостно воскликнул: — Вот она, пшеница, пшеница! Маленькое семечко, давно брошенное в землю и проросшее в глубоких темных бороздах, набухая, напрягаясь — в одну ночь пробилось к свету. Пшеница взошла. Она была здесь, перед ним, вокруг него, на всем неизмеримом, беспредельном пространстве, поля покрылись нежными переливами зелени. Исполнилось то, что обещал сев: «... the Wheat, the Wheat! The little seed long planted, germinating in the deep, dark furrows of the soil, straining, swelling, suddenly in one night had burst upward to the light. The wheat had come up. It was there before him, around him, everywhere, immeasurable. ... the ground was overlaid with a little shimmer of green. The promise of the sowing was being fulfilled» [1, с. 345]. Эти слова можно считать гимном не только пшенице, но и земле — земля, верная мать, никогда не изменяющая, никогда не обманывающая, снова сдержала свое обещание: «The earth, the loyal mother who never failed, who never disappointed, was keeping her faith again» [1, с. 345]. Говоря о пробуждении природы, автор романа ассоциирует это с возрождением силы народа, силы всего мира: «Once more the strength of nations was renewed. Once more the force of the world was revived» [1, с. 345].

В заключение следует отдать дань переплетению романтизма и реализма в творчестве Фрэнка Норриса, отметить, что он был истинным патриотом своей страны, и отнести к нему слова, которыми он охарактеризовал персонажа, раскрывающего идею и содержание романа «Спрут» — он был частью народа, он любил народ и с симпатией относился к их надеждам и страхам, радостям и горестям: «... as a part of the people, he loved the people and sympathized with their hopes and fears, and joys and griefs» [1, с. 27].

Библиографический список

1. Norris, F. The Octopus / Frank Norris. — М., 1962. — 603 p.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Любовь Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: in.jaz_omgtu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2011 г.

© Л. И. Воскресенская

Книжная полка

ББК 81.411.2/Р89

Русский язык и культура речи : учебник для студентов вузов / В. И. Максимов [и др.] ; под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2011. — 1[358] с.—эл. опт. диск (DVD-ROM). — ISBN 978-5-9916-0951-7. -978-5-9788-0167-5.

Содержание учебника соответствует требованиям государственного образовательного стандарта по учебной дисциплине «Русский язык и культура речи» для нефилологических специальностей вузов. Особенность настоящего издания — соединение в одной книге собственно учебника, т. е. основных теоретических сведений по курсу, и обширного практикума для семинарских занятий, включающего задания для самостоятельной работы студентов. Для студентов-нефилологов. Будет полезен всем, кто стремится расширить свои знания о нормах публичного общения на русском языке и развить практические навыки такого общения.

КРИТЕРИИ ОТРАЖЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются существующие классификации комментария к художественному или публицистическому тексту и возможности их применения к иностранным текстам, переведенным на русский язык. Предлагаются критерии комментария к переведенному на русский язык тексту, разработанные на материале способов передачи прецедентных феноменов. Приводятся рекомендации для комментирования прецедентных феноменов, относящихся к английской лингвокультуре и встречающихся в художественных или публицистических текстах, средствами русского языка.

Ключевые слова: критерии, комментарий, прецедентные феномены, перевод, художественный текст.

Выраженная авторская интенция (намерение автора донести до адресата свою идею в наиболее полном объеме) является именно тем аспектом, который объединяет художественные и публицистические тексты. Для наиболее полного воздействия на читателя авторы данных текстов часто прибегают к использованию прецедентных феноменов. Это объясняется тем, что прецедентные феномены кроме прямого языкового значения обладают большим культурным смыслом, то есть они характеризуются определенным набором ассоциаций, детерминированных национальной культурой. При минимуме формы прецедентные явления обеспечивают максимальное содержание, поэтому их можно считать своеобразным эффективным каналом связи, по которому до читателя доносится смысл, закладываемый автором в текст. Так, в следующем примере используется прецедентное имя Нижинский. «Can I dance?» said the Bishop. Can I dance, Mulliner? Have you ever heard of Nijinsky?" "Yes." "My stage name," said the Bishop» [1, с. 183]. Утверждение епископа, что это его сценический псевдоним, говорит читателю, что данный персонаж считает себя выдающимся танцором, но, кроме того, имплицитно означает несоответствие информации действительности. Как справедливо отмечает Т. А. Казакова, в терминах современной когнитивной лингвистики имплицитная информация оказывается более важной составляющей реального употребления языка в практических ситуациях, чем собственно системные значения языковых единиц [2, с. 122].

Как отмечает В. В. Красных, прецедентные феномены могут быть: социумно-прецедентными, национально-прецедентными и универсально-прецедентными [3, с. 173]. Вместе с тем она признает, что последний тип, т.е. феномены, известные любому среднему homo sapiens, носит на сегодняшний день гипотетический характер [3, с. 174]. Представляется более корректным говорить о кросскультурных или межнациональных прецедентных явлениях, известных среди носителей двух и более лингвокультур.

Структура прецедентных феноменов всех типов в большей или меньшей степени включает ассоциативный слой, детерминированный национально-культурной спецификой. Степень ассоциативного воздействия прецедентного феномена определяется тем, насколько он известен в данной лингвокультуре. Так, прецедентное высказывание, известное среднему представителю американской лингвокультуры, может быть совершенно не известно представителям русской лингвокультуры, поэтому даже точный его перевод на русский язык не обеспечит необходимых ассоциаций. Следовательно, авторская интенция не будет реализована.

Например, носителю русского языка и культуры будет непонятен пафос ответа леди Джулии из романа П. Дж. Вудхауза «Heavy weather» на обвинение в том, что она заставляла своего сына разорвать помолвку с девушкой, которую она считала недостойной: «I may have pointed out to him once or twice the inadvisability of marrying a girl who appears to be in love with another man. **If this be treason, make the most of it** [4, с. 161]».

Последнее предложение приписывается Патрику Генри, который якобы произнес его, выступая за независимость Америки от Великобритании в 1765 году. Этот факт известен среднему американскому школьнику и является прецедентным высказыванием, входящим в когнитивную базу среднего представителя англоязычной лингвокультуры. Оно ассоциируется с героическим отстаиванием собственной правоты и готовностью к самопожертвованию. Для полноты реализации авторской интенции при переводе данного текста необходим определенный комментарий.

К сожалению, в последнее время в отечественных изданиях переводов с английского языка текстов, относящихся к художественному и публицистическому стилям, комментарий слишком часто либо отсутствует, либо не предоставляет читателю той информации, которая может вызвать соответствующие ассоциации.

Например, в переводах на русский язык произ-

ведений Т. Пратчета, активно использующего прецедентные феномены, комментарий отсутствует, хотя в ряде случаев он представляется необходимым для того, чтобы русский читатель смог понять мысль автора. Так, человеку, не знакомому с австралийской культурой, остаются непонятными описанные в романе Т. Пратчета «Последний континент» страдания кулиара, который не может создать десерт в честь примадонны оперного театра, потому что ее зовут Нелли По [5]. Комментарий, поясняющий, что во время гастролей балерины Анны Павловой в Австралии в ее честь был создан десерт, названный Рав, способствовал бы реализации авторской интенции и в переводе текста, тем более что большинство аллюзий в данном произведении относятся к Австралии. С. Г. Тер-Минасова называет такой комментарий социокультурным и указывает, что его цель — обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог [6, с. 90]. Комментарий прецедентных явлений, относящихся к сфере исследований лингвокультурологии, можно считать лингвокультурным.

Комментарий как жанр герменевтического курса представляет собой вторичное образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте [7, с. 46]. Существует несколько типологий комментария. Чаще всего используется классификация Н. М. Сикорского, выделяющего текстологический, историко-литературный, реальный и словарный комментарий [8, с. 318]. Его классификация учитывает особенности комментария к изданиям художественных текстов. В комментарии Ю. М. Лотмана к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» противопоставляются предметные, текстуальные и концепционные комментарии [9]. Комментарии первого типа разъясняют реалии. Комментарии второго типа объясняют значение тех или иных слов, ставших непонятными сегодня. В концепционных комментариях характеризуются идеи, требующие пояснения. Типология Ю. М. Лотмана учитывает, в основном, специфику комментария к переизданиям произведений, относящихся к национальной классической литературе. Одной из последних типологий комментария, заслуживающей особого внимания, является классификация В. И. Карасика, выделяющего следующие типы комментария: разъясняющий, подтверждающий, уточняющий и критический. Данная классификация основывается на функциях, выполняемых комментарием. Разъясняющий комментарий является, по его мнению, прототипической разновидностью комментария. Он разъясняет читателю сущность явлений, неизвестных ему. Подтверждающий комментарий делается с целью зафиксировать правдивость или правдоподобие излагаемой информации. Уточняющий комментарий конкретизирует наши сведения о содержании произведения. Критический комментарий ставит под сомнение информацию в тексте [8, с. 43–45].

К сожалению, проблема типологии и критериев комментария к переводу художественных и публицистических текстов не получила достаточного освещения в научных работах по теории и практике перевода. Наиболее точной представляется структурно-функциональная типология переводческого комментария, разработанная Т. А. Казаковой, которая выделяет 5 типов переводческого комментария, условно называемых автором словарным, со-

поставительным, дополняющим, пояснительным и нулевым [2, с. 137–145]. Можно отметить некоторое сходство данной классификации с классификацией В. И. Карасика. Это объясняется неизменной природой основных функций комментария независимо от того является он комментарием к тексту, написанном на русском языке, или к переводу текста с иностранного языка. В последнем случае значение комментария только возрастает, так как переводчик должен не только передать значение текста, но и транслировать культурную специфику другой нации. Нулевой комментарий, выделяемый Т. А. Казаковой в отдельный тип, представляется избыточным, так как отсутствие комментария в тех случаях, когда в нем есть необходимость, относится к сфере переводческих ошибок.

На основании сопоставления и анализа типологий различных авторов можно выделить следующие виды комментария при переводе художественного текста на русский язык: словарный, уточняющий, дополняющий, поясняющий и критический. Словарный комментарий, как отмечает Т. А. Казакова, совпадает по форме и содержанию со статьей двуязычного словаря [2, с. 137]. Уточняющий комментарий конкретизирует знания читателя об описываемом явлении. В дополняющем комментарии сообщается информация, необходимая для дополнения потенциально-возможных знаний читателя, если она существенна для понимания текста. Поясняющий комментарий разъясняет характер контекста, когда в нем встречается сложный для перевода знак. Критический комментарий опровергает ложные сведения, приводимые в тексте, и приводит достоверную информацию. Например, в книге Б. Удэна о Лондоне утверждается, что «последним знаменитым заключенным, имевшим честь быть узником Тауэра, являлся Рудольф Гесс, и последний смертный приговор, приведенный здесь в исполнение, был вынесен именно этому немецкому шпиону, расстрелянному в 1941 г.» [10, с. 418]. Соответствующий комментарий пояснил бы читателю, что Рудольф Гесс прибыл в Англию не как шпион, а для ведения переговоров с британским правительством. В 1941 году он не был расстрелян, а приговорен международным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г. к пожизненному заключению, которое и отбывал в одной из немецких тюрем.

Критерии комментария к переведенному на русский язык тексту остаются до сих пор не разработанными. Представляется необходимым уточнить данные критерии на материале комментария к передаче прецедентных феноменов, встречающихся в художественных или публицистических текстах, средствами русского языка.

Первым критерием является точность передачи языковой формы прецедентного феномена переводчиком в комментарии. Например, в комментарии к книге Б. Удэна приводится фамилия полковника ГРУ, работавшего на иностранную спецслужбу — «Пенковский» [10, с. 426]. Правильное написание данной фамилии — Пеньковский. Переводчик должен быть предельно внимателен в пояснении явлений, относящихся к сфере других языков, так как неверная трактовка вводит в заблуждение читателя, незнакомого с иностранным языком. Например, в комментарии к переводу романа Д. Брауна «Код да Винчи» переводчик утверждает, что звук «ф» в латинском написании имени «Софи» передается буквами РНІ (Sophie) [11, с. 113]. На самом деле буква «I» в звук «ф» не входит.

Следующим критерием следует считать соответ-

ствие комментария структуре прецедентного феномена. Например, структура прецедентного имени образована дифференциальными признаками, атрибутами и потенциально возможными представлениями и знаниями о прецедентном имени носителей лингвокультуры [3, с. 198]. В дискурсе происходит апелляция к одному или нескольким компонентам этой структуры. Комментарий должен точно отражать именно соответствующие компоненты. Однако в комментариях часто поясняются компоненты структуры прецедентного феномена, к которым апелляция в данном случае не происходит. Это можно объяснить расхождениями в трактовке прецедентного имени представителями разных лингвокультур. Рассмотрим переводческий комментарий к следующему эпизоду романа А.Кристи «Убийство в проходном дворе»: «Мой бедный Джепп! Но это же ... как там говорится? Это же очевидно, мой дорогой Ватсон. Джепп бросил на него свирепый взгляд» [12, с. 50]. В комментарии переводчик поясняет прецедентное имя «Ватсон»: «Ватсон — один из главных персонажей знаменитого детективного цикла о сыщике-любителе Шерлоке Холмсе, написанного английским писателем А. Конан Дойлом» [12, с. 50]. Основной дифференциальный признак данного прецедентного феномена, выделяемый и объясняемый переводчиком — «главный персонаж детективного цикла». Читателю остается непонятной причина, вызвавшая «свирепый взгляд» инспектора полиции Джеппа. Если же обратиться к определению этого имени в английском словаре лингвокультурного типа Oxford Concise Dictionary of Phrase and Fable, то мы сможем выявить иные дифференциальные признаки: «a doctor who is a companion and assistant of Sherlock Holmes in detective stories by Arthur Conan Doyle» [13]. Очевидно, что для представителей английской лингвокультуры основными дифференциальными признаками данного прецедентного имени являются «доктор», «спутник» и «помощник сыщика Шерлока Холмса». Именно эти компоненты структуры прецедентного феномена и следовало отразить в комментарии. В таком случае русскому читателю было бы ясно, что инспектора рассердило то, что Эркюль Пуаро охарактеризовал его как своего спутника и помощника в расследовании, а себе отвел роль великого сыщика.

Не менее важным критерием отражения прецедентных феноменов в комментарии следует считать ориентированность на контекст, так как в разных контекстах на первый план могут выступать различные элементы структуры прецедентных феноменов. Кроме того, один и тот же набор языковых знаков в разных контекстах может относиться к прецедентным феноменам разных типов. Так, сочетание слов «Charge of the Light Brigade» может выражать как прецедентный текст (стихотворение А. Теннисона), так и прецедентную ситуацию (атаку британской кавалерийской бригады в ходе Крымской войны в 1854 году), описанную в этом стихотворении.

Большое значение для осуществления авторской интенции имеет критерий отсутствия в комментарии избыточной информации. Комментарий должен быть точным, но кратким. Избыточная информация отвлекает внимание читателя от основной сущности использования прецедентного феномена в тексте. Рассмотрим комментарий к следующему эпизоду русского перевода романа «Код да Винчи»: «Но большинство туристов предпочитали беглый осмотр. Лэнгдон шуливо называл это пробежкой по Лувру: туристы бодрым шагом проходили по залам музеев,

стремясь увидеть три самых знаменитых экспоната: Мону Лизу; Венеру Милосскую и Нику — крылатую богиню победы. Арт Бухвальд как-то хвастался, что на осмотр этих шедевров ему понадобилось всего пять минут и пятьдесят секунд» [11, с. 26-27]. В этом отрывке содержится несколько прецедентных имен, но переводчик совершенно правильно выбрал для пояснения имя «Арт Бухвальд», как наименее известное русскому читателю, но снабдил его следующим комментарием: «Арт Бухвальд — знаменитый американский журналист-фельетонист, его работы печатались даже в СССР» [11, с. 26]. Последняя часть комментария представляется избыточной, так как для реализации авторской интенции не имеет значения тот факт, что работы А.Бухвальда печатались в СССР. Данный текст не имеет отношения к СССР, поэтому информация, содержащаяся в комментарии, отвлекает внимание читателя от основной идеи автора.

Точное соответствие комментария авторской интенции является необходимым условием успешного решения поставленных задач переводчиком, поэтому столь необходимым критерием служит точность формулировок, используемых переводчиком для разъясняющего комментария. В вышеупомянутом переводческом комментарии к роману «Код да Винчи» акцент следовало бы сместить на дифференциальные признаки данного прецедентного имени, так как издание произведений американского журналиста в СССР к ним не относится. Эту информацию можно отнести только к потенциально возможным представлениям и знаниям о прецедентном имени носителей русской лингвокультуры, а в сфере таковых у среднего носителя американской или английской лингвокультуры этот факт входить и не может. В данном случае информацию об особенностях творчества А. Бухвальда, имплицитно связанную с комментируемым эпизодом, следует считать более актуальной для дополняющего или уточняющего комментария. Поэтому в качестве адекватного переводческого решения при комментировании переводимого текста можно предложить следующую формулировку: «Арт Бухвальд — знаменитый американский журналист и сатирик, характерной особенностью творчества которого являлась гипербола (преднамеренное преувеличение тех или иных аспектов описываемого явления)». Как известно, А. Бухвальд часто обличал в сатирической и гротескной форме различные стороны жизни американского общества, используя гиперболу.

Для пояснения различных видов прецедентных феноменов следует использовать разные типы комментария, соответствующие их природе и структуре. Словарный комментарий к прецедентным феноменам, входящим в сферу другой лингвокультуры, применяться не может.

Рассмотренные выше критерии отражения прецедентных имен в переводческом комментарии дополняют друг друга и должны применяться в комплексе. Такое использование данных критериев в практике подготовки комментария к переводу художественных и публицистических текстов повысит степень реализации авторской интенции переводчиками и обеспечит адекватное понимание текста русскими читателями.

Библиографический список

1. Wodehouse, P.G. Mulliner Nights / P.G. Wodehouse. — Harmondsworth : Penguin Books Ltd, 1981. — 146 p.

2. Казакова, Т. А. Художественный перевод. Теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. — СПб. : ИнГязиздат, 2006. — 544 с.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
4. Wodehouse, P.G. Heavy Weather / P.G. Wodehouse. — Harmondsworth : Penguin Books Ltd, 1978. — 249 p.
5. Пратчет, Т. Последний континент / Т. Пратчет. — М. : Эксмо, 2007. — 480 p.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
7. Карасик, В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж : Воронежский гос. университет. — 2009. — № 7. — С. 32–47.
8. Сикорский, Н. М. Теория и практика редактирования / Н. М. Сикорский. — М. : Просвещение, 1971. — 530 с.
9. Лотман, Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Л. : Просвещение, 1983. — 416 с.
10. Удэн, Б. Лондон. Биография города. Слава, испытания и тайны / Б. Удэн. — СПб. : Евразия, 2009. — 446 с.
11. Браун, Д. Код да Винчи. Роман / Д. Браун ; пер. с англ. Н. В. Рейн. — М. : АСТ, 2005. — 542 с.
12. Кристи, А. Убийство в проходном дворе / А. Кристи // Собрание сочинений. В 20 т. Т. 4. — М. : Артикул, 1992. — С. 7–58.
13. Oxford Concise Dictionary of Phrase and Fable. Ed. By E. Knowles. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 598 p.

МОИСЕЕВ Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой английской филологии.
Адрес для переписки: e-mail: kafedra110a@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.03.2012 г.
© М. В. Моисеев

УДК 82.0

Е. А. ГРИГОРЬЕВА
А. И. ГРИГОРЬЕВ

Омский государственный
технический университет

Омский государственный
педагогический университет

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ СИСТЕМНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В ЭКОЛОГИИ

В статье рассматривается современное понимание основных системных экологических терминов «экосистема» и «биогеоценоз» в отечественной и англоязычной литературе.

Ключевые слова: биоценоз, сообщество, экотоп, биотоп, экосистема, биогеоценоз, биосфера.

Каждая наука оперирует системой терминов, которые, в свою очередь, отражают уровень развития самой науки [1]. Согласно Л. Б. Ткачевой (1987), терминология «является источником получения информации инструментом освоения специальности, средством ускорения научно-технического прогресса» [1, с. 3]. Вместе с тем, по ее мнению, термины позволяют определить суть научных открытий, отразить содержание развивающихся областей знаний, передают вновь созданные и уже существующие в науке и технике понятия, служат названием новых предметов и явлений, прокладывают путь к познанию. Термин по В. М. Лейчику «представляет собой единицу языка науки и техники и выполняет ряд важнейших функций, без реализации которых в современную эпоху невозможен научно-технический прогресс: 1) номинативную, 2) информационную, 3) коммуникативную и 4) эвристическую» [2, с. 3].

Как отмечает С. В. Гринев-Гриневич (2008), в настоящее время специальная лексика русского, английского и других развитых языков в большинстве областей знания не представляет собой упорядочен-

ной системы, которая соответствовала бы современному уровню науки и запросам практики [3]. Так, он отмечает распространенность таких негативных явлений, «как омонимия, различное толкование терминов представителями разных научных школ и направлений, синонимия, достигающая в некоторых областях знания 50% от общего числа терминов, произвольная вариантность форм терминов, нечеткое определение многих понятий и необоснованное введение иноязычных терминов, распространение немотивированных и ложноориентирующих терминов, отсутствие научно обоснованных общих принципов образования терминов и конкретных оптимальных моделей образования терминов подавляющего большинства областей знания» [3, с. 5–6].

В современных учебных пособиях, монографиях и научных изданиях, справочниках, терминологических словарях сегодня произвольно трактуется ряд фундаментальных понятий и терминов экологии. Это в первую очередь относится к понятиям «экосистема» и «биогеоценоз».

Согласно «экологической энциклопедии» поня-

тие о биогеоценозе, введенное В. Н. Сукачёвым в 1940 году, получило распространение главным образом в отечественной литературе [4]. Тогда как за рубежом, особенно в англоязычных странах, в аналогичном значении чаще используют термин «экосистема». Экосистема, в свою очередь, признается более многозначной и употребляется по отношению к искусственным комплексам организмов и абиотическим компонентам (аквариум, космический корабль) и к отдельным частям биогеоценоза (например, кочка, гниющий пенек в лесу со всеми населяющими его организмами). Экосистемы могут иметь произвольные границы (от капли воды до биосферы в целом), в то время как биогеоценозы всегда занимают определенную территорию и акваторию.

Термин биогеоценоз (*biogeocenosis* — англ.) представляет собой сложное слово, образованное от био — *bio* (греч. *biosis*, *bios* — жизнь), гео (греч. *geo* — Земля) и ценоз (греч. *koinos* — общий). Этот термин отражает «одновременный участок земной поверхности с определенным составом живых (биоценоз) и косных (приземный слой атмосферы, солнечная энергия почва, водная толща и др.) компонентов, объединенных обменом веществ и энергии в единый природный комплекс» [4, с. 157].

В «экологической энциклопедии» (2008) эти два термина (экосистема и биогеоценоз), рассматриваются как синонимы, идентичные друг другу: «биосфера — это совокупность всех экосистем (биогеоценозов), распространенных в пределах геосфер, с которыми взаимодействует живая оболочка Земли» [5, с. 189].

По мнению В.Н. Сукачёва (1947), понятие биогеоценоза «близко также к понятию экосистемы в понимании А. Тенсли (*Tansley*, 1935)» [6, с. 295]. Направление изучения закономерностей распределения и состава растительных сообществ в зависимости от условий среды, развиваясь под влиянием идей В. В. Докучаева, Л. С. Берга и Г. Ф. Морозова, привело к учению о биогеоценозах [7, 8]. В более ранней публикации в 1940 году [9], посвященной биогеоценозу первоначально он был назван «геоценозом». Позднее он отметил: «Для того чтобы подчеркнуть роль биоценоза в жизни этого целого комплекса, можно было бы назвать «биогеоценоз» [7, с. 8]. В связи с этим В. Н. Сукачёв (1947) отмечает, что «биогеоценоз можно определить как участок земной поверхности, где на известном протяжении биоценоз и отвечающие ему части атмосферы, литосферы, гидросферы и педосферы остаются однородными и имеющими однородный характер взаимодействия между ними и поэтому в совокупности образующими, единый, внутренне взаимообусловленный комплекс» [6, с. 287]. В краткой форме он выражает это следующим образом: биогеоценоз = биоценоз (фитоценоз + зооценоз) + биотоп (эдафотоп + климатоп).

Далее он отмечает, что, как правило, границы отдельного биогеоценоза определяются фитоценозом. Однако бывают случаи, когда эта роль принадлежит зооценозу. Под эдафотопом и климатом понимаются участки почвы и части атмосферы, пространственно соответствующие данному биоценозу.

Г. Ф. Морозов, развивая понятия, о лесе как географическом явлении, писал, что лесное насаждение есть реальная совокупность, есть биоценоз, есть, наконец, ландшафт [10]. Позднее «... для участка всякой, не только лесной, однородной растительности, её населяющей фауны и отвечающей всей совокупности географической среды предложен был В. Н. Сукачёвым термин «биогеоценоз»» [8, с. 447;

11, с. 188]. Поэтому понятие биогеоценоза отвечает морозовскому пониманию биоценоза, или лесного насаждения.

К необходимости изучения природных единств в разных странах разные специалисты пришли почти одновременно. Для наименования этих единств предложено значительное число терминов: эпиформа эпиген (Аболин, 1914), экосистема (*Tansley*, 1935), эпифация (Раменский, 1938), биосистема (*Thienemann*, 1939), биохора (Берг, 1915), экотоп (Высоцкий, 1915), голоцен (*Friederichs*, 1930), фация (Коржинский, 1891, *Gams*, 1918) голоценоз и др. Хотя эти термины в той или иной степени близки между собой по значению, все же они не всегда тождественны по своему содержанию и объему [12].

Из предложенных терминов для обозначения рассматриваемого единства в настоящее время наиболее распространены термины «экосистема» и «биогеоценоз» [13].

Термин «экосистема» был предложен известным английским геоботаником А. Тенсли, который писал: «Хотя организмы могут претендовать на то, чтобы им уделяли основное внимание, однако, если глубже вдуматься, мы не можем отделить их от конкретной окружающей среды, вместе с которой они составляют единую физическую систему. Такие системы, с точки зрения эколога, являются основными единицами природы на земной поверхности» [14, с. 299]. В то же время экосистема рассматривалась Тенсли как одна из категорий разнообразных физических систем Вселенной и как абстрактное понятие.

Как понимается термин «экосистема» следует обратиться к высказываниям ряда авторов по этому вопросу. Так, К. Вилли (1964) писал: «Под термином «экосистема» экологи понимают естественную единицу, представляющую совокупность живых и неживых элементов; в результате взаимодействия этих элементов создается стабильная, где имеет место круговорот веществ между живыми и неживыми частями. Экосистемы могут быть различных размеров» [15, с. 101]. Далее приводятся примеры экосистем — озеро, лесной массив, аквариум с рыбами, зелеными растениями и моллюсками. Вместе с тем биотоп и биоценоз, как и почву, нельзя рассматривать как особые биогеоценозы. Тогда как К. Вилли [15, с. 135] считает их особой экосистемой. Это еще раз показывает степень разницы понятий биогеоценоз и экосистема.

В известном труде Ю. Одум, даётся следующее определение экосистемы: «Любая единица (биосистема), включающая все совместно функционирующие организмы (биотическое сообщество) на данном участке и взаимодействующая с физической средой таким образом, что поток энергии создает четко определенные биотические структуры и круговорот веществ между живой и неживой частями, представляет собой экологическую систему, или экосистему» [16, с. 24].

Уже из этих определений можно видеть, что само понятие «экосистема» достаточно неопределенно и не всегда однозначно понимается. Однако долгое время понятие «экосистема» не получало значительного распространения, а сама идея о взаимосвязи и о единстве всех явлений и предметов на земной поверхности не находила достаточного отражения в зарубежной литературе [17]. Вместе с тем термин «экосистема», особенно в англо-американской литературе, получил довольно значительное распространение в последние десятилетия.

На IX Международном ботаническом конгресс-

се, состоявшемся в 1959 г. в Канаде, идея экосистемы, или биогеоценоза, получила почти общее признание [12]. Однако возникает вопрос, можно ли считать эти термины синонимами и если да, то какому надо отдать предпочтение. Более старым из этих двух терминов является «экосистема». При решении этого вопроса целесообразно принять во внимание большую выразительность термина. А. Тенсли рассматривал свою экосистему, охватывающую совокупность комплекса организмов («биом» в смысле Ф. Клементса) с комплексом физических факторов местообитания в широком смысле, как одну из категорий разнообразных физических систем Вселенной (начиная от самой Вселенной до атома включительно). Само понятие системы у него крайне неопределенно и употребляется в очень разнообразных смыслах, иногда даже исключающих наличие взаимовлияния между составляющими систему объектами, например, система таксонов в систематике растений. Далее В. Н. Сукачёв уточняет, что если для рассматриваемого понятия наиболее характерным надо считать именно наличие определенного взаимовлияния, взаимодействия между его компонентами, то более выразительным термином является «биогеоценоз», происходящий от слова *koínos* (общий, община); приставки же «био» и «гео» подчеркивают участие в этом общем единстве живых организмов и элементов косной природы земной поверхности.

Термин «экосистема», как мы уже отмечали, мало говорит о специфических чертах этого понятия. Из этих ... терминов: — «экосистема» и «биогеоценоз» — несомненно более отвечающим самой сути этого понятия является биогеоценоз. К этому надо добавить, что понятию «биогеоценоз» придается вполне конкретное содержание. Так, биогеоценоз не является общим понятием для таксономических подразделений биогеоценологического покрова Земли.

В последствии В.Н. Сукачёвым в обобщающей работе «Основные понятия лесной биогеоценологии» (1964) было дано одно из полных определений биогеоценоза: «биогеоценоз — это совокупность на известном протяжении земной поверхности однородных природных явлений (атмосферы, горной породы, растительности, животного мира и мира микроорганизмов, почвы и гидрологических условий), имеющая свою особую специфику взаимодействий этих слагающих её компонентов и определенный тип обмена веществом и энергией их между собой и с другими явлениями природы и представляющая собой внутренне противоречивое диалектическое единство, находящееся в постоянном движении, развитии» [17, с. 23].

Одним из характерных свойств биогеоценоза является, то что каждый биогеоценоз представляет собой динамическое явление, находящееся все время в движении, изменении, развитии. Также биогеоценозы могут быть установлены на любом участке земной поверхности, не покрытом или покрытом водой, если на нем обитают живые организмы.

В целом биогеоценоз развивается в результате взаимодействия всех его изменяющихся компонентов и по своим особым закономерностям. Биогеоценоз в целом имеет свою качественную характеристику. Поэтому изучение развития биогеоценоза в целом не может заменить изучение развития каждого из его компонентов. Также нецелесообразно подменять понятие биогеоценоз понятием биоценоз, или биокомплекс.

В. Н. Сукачёв особо выделяет, то что космиче-

ская, биохимическая роль живой материи совершается через биогеоценоз, через биогеоценологический процесс [12]. В связи с этим становится понятным то огромное общее практическое значение, какое имеет изучение биогеоценозов и биогеоценологических процессов».

Человек наряду с активным вмешательством в жизнь биогеоценозов, путем вырубки леса, воздействуя на почвенные и гидрологические условия, может вызвать смену биогеоценозов в целом. Вместе с тем человек может вызвать к жизни и совершенно новые биогеоценозы, чаще всего путем культуры различных растений. Таким образом, создаваемые культурфитоценозы приводят к созданию новых, особых культурбиогеоценозов. В частности, различные посадки древесных насаждений представляют собой лесные культурбиогеоценозы.

Р. Уайттэкер в большой свободной работе о классификации растительных сообществ, в которой он учёл и значительную литературу по экосистемам, даёт следующее определение: «Экосистема есть функциональная система, включающая сообщество взаимодействующих организмов — растений, животных и сапробов — и окружающую среду, которая действует на них и на которую они действуют» [18, с. 55].

В капитальном труде об экосистеме и биосфере П. Дювиньо даёт сходное, но еще более краткое определение: «Экосистема есть функциональная система, которая включает сообщество живых существ и окружающую их среду» [19, с. 3]. При этом добавляется, что термин «экосистема» может быть применен к биоценозам и среде их существования очень различной протяженности. Поэтому различается три категории экосистем: 1) микроэкосистемы (например, пень дерева), 2) мезоэкосистемы (например, лесная ассоциация) и 3) макроэкосистемы (например, океан). Интеграция всех экосистем мира создает гигантскую экосистему земного шара — биосферу.

Хотя термин «экосистема» сейчас и широко распространен как в зарубежных странах, так и в нашей стране, однако его нецелесообразно рекомендовать, так как он у нас и за границей применяется в очень разнообразных смыслах. Как отмечал В. Н. Сукачёв (1964), даже в том случае, когда его понимание близко к пониманию биогеоценоза, оно с ним нетождественно [17].

По мнению В. Н. Сукачёва (1964), термин «экосистема» неприемлем по следующим соображениям. «Во-первых, в нашей стране у ботаников экология понимается большей частью как аутоэкология, то есть как учение об отношении отдельных растений к среде в противоположность англо-американским ботаникам, которые в экологию включают и всю биоценологию, в частности, фитоценологию. Поэтому если выражение «экосистема» за рубежом отвечает представлению о взаимоотношениях биоценоза со средой, то при нашем обычном понимании экологии данное выражение теряет этот смысл. Во-вторых, это выражение ни у кого из зарубежных биологов не подчеркивает в надлежащей степени то, что в этом случае мы имеем тесно взаимосвязанное единство организмов со всей средой их существования» (Сукачёв, 1964, с. 15).

«Он далее отмечает, что не только само понятие системы не связано с тем диалектическим единством, которое характерно именно для биогеоценоза, но оно не включает в себя все взаимоотношения, все взаимообусловленности абиотических компонентов его (атмосферы, горной породы, гидрология

и почвы), которые под понятия экологических, конечно, не подходят» [17, с. 15].

Поэтому, более кратко, В. Н. Сукачёвым было отмечено, что «биогеоценоз ... это комплекс организмов и среды их обитания» [17, с. 21].

Согласно словарю по экологии, изданному под редакцией Михаэла Аллаби (Michael Allaby), (2010): «экосистема (экологическая система) — термин, впервые использованный в 1930 г. Артуром Рой Клэпхемом (Arthur Roy Clapham) (1904—1990) и ставший известным благодаря А. Г. Тенсли (A. G. Tansley) в 1935 году, который описывал этот термин как отдельную единицу, состоящую из живых и неживых компонентов, которые взаимодействуют между собой и образуют устойчивую систему. Основные представления включают энергетический поток через цепи питания и биогеохимический цикл. Экосистемные принципы могут быть применены ко всем объектам любого масштаба. Законы, распространяемые на временные водоемы с непродолжительным периодом существования, в равной степени применимы к озеру, океану или целой планете. В русской и центрально-европейской литературе «биогеоценоз» описывает то же выше упомянутое понятие» [20, с. 126—127]. Далее в этом же словаре дается определение термина «биогеоценоз»: «термин эквивалентный «экосистеме», который часто используется в русской и центрально-европейской литературе и связан с именем Сукачёва, который ввел его в 1947 году. Биогеоценоз включает в себя биоценоз вместе с его местом обитания» [20, с. 47].

В зарубежной литературе, а иногда и в отечественной, для организмов как компонентов экосистемы пользуются выражением «биота». По В. Н. Сукачёву, вряд ли надо вводить еще и этот термин. Так как в этом выражении речь идет о живых организмах, но не подчеркивается, что они в совокупности образуют единое целое — ценоз [17]. Поэтому для совокупности всех живых организмов биогеоценоза (растений, животных, микроорганизмов) предпочтительно пользоваться уже давно и широко применяемым термином биоценоз. По этой же причине в биогеоценологии В. Н. Сукачёв считал нецелесообразным пользоваться выражением «живое вещество», которое предложил В. И. Вернадский в 1926 году [21], рассматривая его с биогеохимической точки зрения [17].

Таким образом, «экосистема» и «биогеоценоз» являются близкими понятиями, но не тождественными по содержанию. Однако термин «экосистема» можно использовать лишь для обозначения систем с произвольным набором компонентов, обеспечивающих круговорот веществ на любом уровне организации живых организмов, а термин «биогеоценоз» более предпочтителен, и он отражает понятие о функциональной и территориальной единице биосферы, занятой естественными или искусственными растительными сообществами (фитоценозами).

Библиографический список

1. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. — 200 с.
2. Лейчик, В. М. Люди и слова / В. М. Лейчик. — М. : Наука, 1982. — 176 с.

3. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.

4. Мошаров, С. А. Биогеоценоз / С. А. Мошаров // Экологическая энциклопедия. В 6 т. Т. 1. А—Г / Редкол. : Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. и др. — М. : Энциклопедия, 2008. — С. 156—157.

5. Биосфера. Экологическая энциклопедия. В 6 т. Т. 1. А—Г / Редкол. В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев и др. — М. : Энциклопедия, 2008. — С. 186—189.

6. Сукачёв, В. Н. Основы теории биогеоценологии / В. Н. Сукачёв / Юбилейный сб., посвящён. 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — С. 283—304.

7. Сукачёв, В. Н. Идея развития в фитоценологии / В. Н. Сукачёв // Советская ботаника. — 1942. — № 1—3. — С. 5—17.

8. Сукачёв, В. Н. Биоценология и фитоценология / В. Н. Сукачёв // Докл. АН СССР. — 1945. — Т. 47. № 6. — С. 447—449.

9. Сукачёв, В. Н. Развитие растительности как элемента географической среды в соотношении с развитием общества / В. Н. Сукачёв // О географической среде в лесном производстве. — Л. : Изд-во Лесотехнич. акад., 1940. — С. 54—62.

10. Морозов, Г. Ф. Учение о лесе / Г. Ф. Морозов. — 4-е изд. — М.-Л. : Госиздат, 1928. — 430 с.

11. Сукачёв, В. Н. Фитоценология, биогеоценология и география / В. Н. Сукачёв / Тр. Второго Всесоюз. географ. съезда. — М. : ОГИЗ-Географиз, 1948. — Т. 1. — С. 186—201.

12. Сукачёв, В. Н. Общие принципы и программа изучения типов леса / В. Н. Сукачёв, С. В. Зонн // Методические указания к изучению типов леса. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 9—75.

13. Сукачёв, В. Н. Соотношение понятий «биогеоценоз», «экосистема» и «фация» / В. Н. Сукачёв // Почвоведение. — 1960. — № 6. — С. 1—10.

14. Tansley, A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms / A.G. Tansley // Ecology. 1935. Vol. 16. № 3. — P. 284—307.

15. Вилли, К. Биология / К. Вилли ; пер. с англ. — М. : Мир, 1964. — 678 с.

16. Одум, Ю. П. Экология. В 2 т. Т. 1 / Ю. П. Одум ; пер. с англ. — М. : Мир, 1986. — 328 с.

17. Сукачёв, В. Н. Основные понятия лесной биоценологии / В. Н. Сукачёв // Основы лесной биогеоценологии ; под ред. акад. В. Н. Сукачёва и д.б.н. Н. В. Дылиса. — М. : Наука, 1964. — С. 5—49.

18. Whittaker, R. H. Classification of natural of natural communities / R. H. Whittaker // Bot.Rev. 1962. Vol.28. № 1.

19. Duvigneaud, P. Ecosystemes et biosphere / P. Duvigneaud // L. ecologie. Science modern syntheses. 1962. Vol. 11. Belge.

20. A Dictionary of Ecology. Fourth edition. Edited by Michael Allaby. — Oxford University Press, 2010. — 424 p.

21. Вернадский, В. И. Биосфера / В. И. Вернадский. — Л. : Научн. хим.-техн. изд-во, 1926. — 146 с.

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Аркадьевна, соискатель кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета, учитель английского языка гимназии № 19 г. Омска.

ГРИГОРЬЕВ Аркадий Иванович, доктор биологических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой экологии и природопользования Омского государственного педагогического университета. Адрес для переписки: e-mail: aigrigoryew@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2012 г.

© Е. А. Григорьева, А. И. Григорьев

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В ЭКОЛОГИИ

В статье рассматривается интерпретация формирования системных экологических терминов «экосистема» и «биогеоценоз».

Ключевые слова: биоценоз, экотоп, экотип, экосистема, биогеоценоз, биосфера.

Любая наука оперирует системой терминов, которые, в свою очередь, отражают историю развития самой науки [1, 2]. Поэтому, изучая историю экологической науки, определенные вехи в ее развитие, мы, по существу, изучаем историю зарождения и развития экологических терминов, отражающих ступени познания природных объектов, явлений и процессов в окружающей среде.

Картина окружающей природной среды является в своей основе антропологичной, то есть существует с практикой, деятельностью человека и обуславливается психолого-физиологическими процессами, протекающими в сознании людей, в первую очередь мышлением.

Именно с этим свойством картины мира связан процесс формирования терминологии. По этой причине, по мнению В. И. Карасика (2004), «научное видение мира, построение моделей и теорий — это продолжение и углубление наблюдений и переживаний человека, осваивающего и осознающего мир себя в мире» [3, с. 89]. Учитывая особую роль экологических знаний в социальной и производственных сферах, актуальным является совершенствование терминологической лексики, которыми оперирует данная отрасль науки.

В наше время бурного развития человеческого общества наметилась тенденция (главным образом, среди небиологов) к отождествлению экологии с наукой об окружающей среде (environmental science). Междисциплинарный комплекс проблем, относящийся к различным отраслям науки, связан с тревожным фактом для человечества — возрастающим влиянием человеческой деятельности на судьбу окружающей нас природы. В связи с этим определенное место занимает и биология окружающей среды (environmental biology). Ряд экологов [4] считает вряд ли целесообразным выделить в рамках экологии какую-либо специальную область, связанную с изучением влияния на жизнь организмов изменяемой человеком среды. По их мнению, говорить об «экологии окружающей среды» (environmental ecology) не имеет смысла по той простой причине, что окружающая среда (в широком обобщенном значении этого понятия) не просто влияет на населяющие ее организмы, но и оказывается материальной составной частью процессов, осуществляемых организмами в естественной, природной обстановке.

Отличительной чертой современной экологии является синтетический подход к изучению природных комплексов и признание основным объектом исследования биогеоценозы и экосистемы в целом как устойчивых комплексов популяций растений, животных и микроорганизмов и населяемой ими территории или акватории, включая прилегающий слой атмосферы, а также в случае лесных экосистем подстилающий почву грунт и грунтовые воды, если они активно взаимодействуют с почвой, водной массой или с организмами.

Одним из первых естествоиспытателей, кто обратил внимание на необходимость синтеза наук при изучении природного комплекса, включающего живые и неживые элементы, был великий немецкий ученый Александр Гумбольдт. Выдвигая задачу целостного изучения природы, он писал: «Мое внимание будет устремлено на взаимодействие сил, влияние неодушевленной природы на растительный и животный мир, их гармонию» [5, с. 66].

Одновременно с А. Гумбольдтом на существование в природе единства организации указывал в 1850 году и К. Ф. Рулье [6]. Они по праву являются основоположниками начала системного изучения природы, заложившими идейные основы целостного восприятия организации природы, то есть именно концепций экосистемы и биогеоценоза.

Общее положение о необходимости целостного синтетического подхода к изучению природы и взаимодействию с ней человеческого общества было сформулировано Ф. Энгельсом как обобщение достижений естествознания XIX века [7].

Важным шагом на пути экологии к описанию целостных природных комплексов стало введение немецким гидробиологом К. Мёбиусом [8] понятия о биоценозе (biocenosis). Он назвал биоценозом объединение живых организмов, которые связаны взаимной зависимостью и сохраняются благодаря постоянному размножению в определенных местах. Термин «биоценоз» получил распространение в научной литературе на немецком и русском языках, а в англоязычных странах этому понятию соответствует термин «сообщество» (community). Мёбиус признавал значение абиотических условий среды, совокупность которых позднее была названа зоологом Ф. Далем «биотопом» [9]. Позже Г. Н. Высоцкий для лесных сообществ предложил равнозначный термин

«экотоп», слагающийся из эдафотопы (почвено-грунтовые условия) и климатопы (гидро-термический режим воздушной среды и её газовый состав) [10].

Продолжателем традиций, заложенных М. В. Ломоносовым, стал великий русский ученый В. В. Докучаев. Именно с приходом В. В. Докучаева в науку связан переход от аналитического этапа развития естествознания к синтетическому от дифференциации науки на отдельные разделы к синтезу научных направлений. Он является создателем научного почвоведения, определившего «почву» как особое природное тело, и учения о «зонах природы», где взаимодействуют её основные элементы — климат, рельеф, почвы, растительность. Работы В. В. Докучаева положили начало широким геоботаническим исследованиям, науке о ландшафтах и учению о лесе. Он разработал основы представления о едином природном, точнее, природно-хозяйственном комплексе и способах управления, исходя из признания этого единства. Первоначальной задачей человеческой деятельности он видел исследования взаимосвязи различных явлений под углом зрения функционирования и развития природного комплекса. В классической работе «Наши степи прежде и теперь», написанной в 1892 г., он дает структуру природного комплекса, или ландшафта и делает конструктивным вывод о принципах эффективного природопользования [11].

По существу, В. В. Докучаев подошел к трактовке почвы как основного элемента биогеоценоза. С его именем связано рождение генетической классификации почв, отражающей явления широтной зональности и вертикальной поясности, вызванные изменениями климата.

Необходимость синтетического подхода к изучению наземных биогеоценозов была впервые осознана и сформулирована в виде основополагающей концепции основателем научного почвоведения В. В. Докучаевым. В конце XIX века он выступил с призывом развернуть междисциплинарные комплексные исследования целостных природных систем. Признавая и высоко оценивая достижения аналитического естествознания, он в качестве существенного недостатка отмечал присущее этому периоду увлечение частностями [12]. В целом, в трудах В. В. Докучаева был заложен биогеоценозически-биосферный подход [13].

Начало практического осуществления этой широкой программы применительно к наземным природным комплексам связано с именем Г. Ф. Морозова — создателя учения о лесе. Морозов воспринял из учения Докучаева прежде всего генетические и географические принципы комплексного изучения природы. Поэтому было неслучайным, что Г. Ф. Морозов именно на основе науки о лесе развил своё учение о единстве природы, так как именно в таком сложном природном образовании, каким является лес, все взаимосвязи природы особенно наглядно выражены [14, с. 82]. Он подчеркивал, что лес и его территория должна сливаться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт, а также, что лес и его территория представляют собой и явление историческое [15]. Позднее академик В. Н. Сукачев в связи с этим отметил, что «Морозов должен по праву считаться основоположником лесной биогеоценологии. Он рассматривал лесные насаждения как биогеоценоз, в понятие о котором включал не только лесной биоценоз в современном его понимании, но и среду его существования» [16, с. 315].

В связи с этим большое значение имеет возникшее в тот же период учение о так называемых эко-

типах растений. Это учение ведет свое начало от И. К. Пачоского [17] и А. Каяндера (Cajander) [18], но особенно подробно было разработано Г. Тюрессоном (Turesson), который предложил и термин «ecotype» («экотип») [19–21]. Экотипы в понимании Тюрессона представляют собой наборы биотипов, отвечающие известным условиям существования. В свою очередь, следует отметить, что уже к тому времени усилиями генетика В. Иогансена (Johansen) понятия и отвечающие им термины — «genotype» («генотип»), «biotype» («биотип») и «pure line» («чистая линия») были общепринятыми [22]. На лесоводственное значение изменчивости древесных растений было указано В. Н. Сукачевым [23].

Опыт широкого и углубленного изучения состава, структуры, функционирования и эволюции важнейших типов сухопутных и водных биоценозов в 20–30-е гг. XX века с неизбежностью приводило к выводам о необходимости комплексного изучения биоценоза и биотопа. Только при этом имеется возможность, включая весь этот целостный комплекс, понять его развитие и управлять им. Эти выводы были сформулированы английским геоботаником А. Тенсли в ставшей теперь классической статье «Правильное и неправильное использование концепций и терминов в экологии растений», который ввел в экологию термин «ecosystem» («экосистема») [24]. Он последовательно развивал взгляд на экосистему как целостное образование, включающее не только растительные организмы, но и весь комплекс биотических и физических факторов местобитания в самом широком смысле.

Идея дальнейшей интеграции научного знания была воплощена выдающимся учеником В. В. Докучаева В. И. Вернадским, в созданном учении о биосфере. Впервые, по мнению В. И. Вернадского, к идее биосферы пришел Ж.-Б. Ламарк, хотя он и не ввел для её обозначения специального термина [25]. Был близок к идее биосферы и А. Гумбольдт поэтично писавший о растительном покрове Земли.

Термин «биосфера» был впервые введен австрийским геологом Э. Зюссом (Suess) в 1873 году для обозначения области земной поверхности, населенной жизнью [26]. В работе Э. Зюсса, посвященной геологии Альп, понятие «biosphere» («биосфера») вводилось как бы мимоходом, не было замечено и не оказало заметного влияния на развитие биологической мысли. При этом содержание термина «биосфера» не было определено достаточно строго. Следует заметить, что в «Экологической энциклопедии» впервые использование Э. Зюссом термина «биосфера» указано 1875 г. [27].

Через несколько десятилетий В. И. Вернадский переоткрыл термин «биосфера», обновив его глубоким содержанием и развил представление о биосфере как общепланетарной оболочке [28]. Преобразования природы в результате человеческой деятельности рассматривал он как мощный планетарный процесс и как возможность перерастания биосферы в ноосферу — сферу разума [29]. Для обозначения «очеловеченной биосферы» Вернадский использовал термин «ноосфера», то есть сферу разума, предложенный Э. Леруа, наполнив его более богатым содержанием [30].

В целом, конечной целью учения о биосфере было исследование взаимосвязи общества с природой, разработка теоретических и практических аспектов этой взаимосвязи.

В начале 40-х годов XX века в экологии осознание недостаточности биоценозического подхода при

решении задач изучения и управления природными комплексами проявилось в разработке В. Н. Сукачёвым учения о биогеоценозе [30–32]. В противовес «биогеоценологии» В. Н. Сукачёва в науку ввел в 1966 году термин «геоэкология» («геоэкология») немецкий ученый Тролль и ранее, в 1939 году, в качестве синонима термин «landschaftsökologie» («ландшафтная экология») [25]. По Троллю, «ландшафтная экология» представляет собой изучение основных комплексов, обусловленных взаимоотношениями между живыми существами и их средой в данной части ландшафта. В этом объеме ландшафтная экология мало чем отличается от термина «ökologie» («экологии»), предложенного Э. Геккелем в 1866 г., как науки «об отношениях организмов к окружающей среде» [33]. В свою очередь, термин «биогеоценоз», введенный в науку В. Н. Сукачёвым, является более конкретным и имеет, соответственно, свою историю развития, чем соответствующий в англоязычной литературе термин «экосистема», предложенный А.Тенсли (1935), несмотря на синонимичность и смысловую адекватность этих двух терминов. В 40–50-е гг. было отмечено расширение исследований биогеоценозов, рассматриваемых как целостные образования. Итогом этого периода является развитие системных комплексных экологических исследований по лесной биогеоценологии [34, 35]. На основе этих работ была выдвинута задача привлечь внимание широких кругов не только лесоводов, но и биологов и географов, к необходимости широкого и глубокого комплекса стационарного и экспериментального изучения сложной природы леса с единых биогеоценологических позиций. Это означало, что нужно дать характеристику всех основных компонентов леса, описать их взаимосвязи друг с другом и с внешней средой и путем симбиоза этой информации рассмотреть биогеоценоз как сложную целостную динамическую систему с раскрытием количественных закономерностей её функционирования и эволюции.

В предисловии к книге «Основы лесной биогеоценологии» В. Н. Сукачёв и Н. В. Дылис [36] от имени коллектива авторов выразили надежду, что этот фундаментальный труд будет содействовать распространению биогеоценологического направления в изучении биосферы Земли, которое дает возможность не только глубже подойти к выяснению самых общих закономерностей ее жизни, но и содействовать эффективному использованию всех природных биологических ресурсов.

По Ю. Одуму, одному из теоретиков современной экологии, экология как самостоятельная научная дисциплина возникла в начале XX века, но ее название вошло в общий лексикон науки позднее, спустя 60–70 лет [37].

На рубеже 70-х гг. XX в., согласно представлению Ю. Одуму, экология вышла из биологии, «оформившись в принципиально новую интегрированную дисциплину, связывающую физические и биологические явления и образующую мост между естественными и общественными науками» [38, с. 13]. Экология трактуется автором, базируясь на принципе «хололизма» (от греч. holos ≈ англ. whole — целое), как междисциплинарная область знания об устройстве и функционировании множественных систем в природе и обществе в их взаимосвязи.

Рассматривая перспективу взаимодействия цивилизации и окружающей среды, Ю. Одум сделал прагматичный вывод: «когда «наука о доме» (экология) и наука о «ведении домашнего хозяйства» (эко-

номика) сольются и когда предмет этики расширит свои границы и включит в себя наряду с ценностями, произведенными человеком, ценности, создаваемые окружающей средой, тогда мы на самом деле сможем стать оптимистами относительно будущего человечества» [39, с. 247].

Таким образом, широкому экологическому пониманию окружающей природной среды должно соответствовать и дифференцированное использование в практике фундаментальных системных, исторически сложившихся понятий «экосистема» и «биогеоценоз», учитывающих пространственно-временные характеристики и свойства исследуемых объектов.

Библиографический список

1. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. — 200 с.
2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М. : Московский лицей, 1993 — 309 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
4. Фёдоров, В. Д. Экология : учебник / В. Д. Фёдоров, Т. Г. Гильманов. — М. : Изд-во МГУ, 1980. — 464 с.
5. Гумбольдт, А. Идеи о географии растений / А. Гумбольдт // География растений. — М.-Л. : ОГИЗ — Сельхозгиз, 1936.
6. Рулье, К. Ф. Жизнь животных по отношению к внешним условиям / К. Ф. Рулье / Избр. биолог. произведения. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. — С. 76–134.
7. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1987. — 349 с.
8. Möbius, K. Die Auster und die Austerwirtschaft / K. Möbius. — Berlin, Wiegand, Hempel & Parev, 1877.
9. Dahl, F. Winke für ein wissenschaftliches Sammeln von Tieren / F. Dahl // Ges. Naturwiss. 1903.
10. Высоцкий, Г. Н. Ергеня (культурно-фитологический очерк) / Г. Н. Высоцкий // Тр. бюро по прикладной ботанике. — СПб., 1915. — Т. 8. — Вып. 10–11.
11. Докучаев, В. В. Наши степи прежде и теперь / В. В. Докучаев // Избр. труды; ред. акад. Б. Б. Польшова. — М. : Изд-во АН СССР, 1949. — С. 317–437.
12. Докучаев, В. В. К учению о зоне природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны / В. В. Докучаев // Избр. труды; ред. акад. Б. Б. Польшова. — М. : Изд-во АН СССР, 1949. — С. 481–506.
13. Миркин, Б. М. Основы общей экологии : учеб. пособие / Б. М. Миркин, Л. Г. Наумова; под ред. Г. С. Розенберга. — М. : Университетская книга, 2005. — 240 с.
14. Сукачёв, В. Н. Основатель учения о лесе / В. Н. Сукачёв // Природа. — 1966. — № 12. — С. 82–83.
15. Морозов, Г. Ф. Учение о лесе. Введение в биологию леса / Г. Ф. Морозов. — СПб., 1912. — Вып. 1. — 83 с.
16. Сукачёв, В. Н. Основные понятия лесной биоценологии / В. Н. Сукачёв // Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Основы лесной типологии и биогеоценологии. — Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1972. — 419 с.
17. Пачоский, И. К. Херсонская флора. I. Введение / И. К. Пачоский. — Херсон : Изд-е Новоросс. общ. естествоиспыт., 1914.
18. Cajander, A.K. Zur Begriffsbestimmung im Gebiet der Pflanzentopographie / A.K. Cajander // Acta Forest. Fenn. 1922. Vol. 20.
19. Turesson, G. The genotypical response of the plant species to the habitat / G. Turesson // Hereditas. 1922. Vol. 3. № 1.
20. Turesson, G. Die Bedeutung der Rassenökologie für die Systematik und Geographie der Pflanzen / G. Turesson // Feddes Repert. spec. nov. regni veget. 1926. Vol. 41.
21. Turesson, G. The selective effect of climate upon the plant species / G. Turesson // Hereditas. 1930. Vol. 14. № 2.
22. Johannsen, W. Ueber Erbllichkeit in Populationen und in reinen Linien / W. Johannsen. — Jena, 1903.

23. Дендрология с основами лесной геоботаники / В. Н. Сукачёв [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сукачёва. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Гослестехиздат, 1938. — 574 с.
24. Tansley, A. G. The use and abuse of vegetational concept and terms / A. G. Tansley // *Ecology*. — 1935. — Vol. 16. — № 3. — P. 284–307.
25. Богучарсков, В. Т. История географии: учеб. пособие / В. Т. Богучарсков; под ред. Ю. П. Хрусталёва. — М.: Академический проект, 2006. — 560 с.
26. Suess, E. Die Entstehung der Alpen / E. Suess. — Wien: 1873.
27. Биосфера. Экологическая энциклопедия: В 6 т. Т. 1. А—Г / Редкол. В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев и др. — М.: Энциклопедия, 2008. — С. 186–189.
28. Вернадский, В. И. Биосфера / В. И. Вернадский. — Л.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1926. — 146 с.
29. Вернадский, В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский. — М.: Наука, 1978. — 355 с.
30. Николайкин, Н. И. Экология: учеб. / Н. И. Николайкин, Н. Е. Николайкина, О. П. Мелехова. — 3-е изд., стер. — М.: Дрофа, 2004. — 624 с.
31. Сукачёв, В. Н. Идея развития в фитоценологии / В. Н. Сукачёв // *Советская ботаника*. — 1942. — № 1–3. — С. 5–17.
32. Сукачёв, В. Н. О принципах генетической классификации в биоценологии / В. Н. Сукачёв // *Журн. общей биологии*. — 1944. — Т. 5. — Вып. 4. — С. 213–227.
33. Haeckel, E.: *Generelle Morphologie der Organismen*. Bd. II. *Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen* / E. Haeckel. — Jena, 1866. — 462 s.
34. Сукачёв, В. Н. Основные понятия лесной биоценологии / В. Н. Сукачёв // *Основы лесной биогеоценологии*; под ред. акад. В. Н. Сукачёва и д.б.н. Н. В. Дылиса. — М.: Наука, 1964. — С. 5–49.
35. Сукачёв, В. Н. Основные понятия о биогеоценозах и общее направление их изучения / В. Н. Сукачёв // *Программа и методика биоценологических исследований*. — М.: Наука, 1974. — С. 5–13.
36. Сукачёв, В. Н. Предисловие / В. Н. Сукачёв, Н. В. Дылис // *Основы лесной биогеоценологии*; под ред. акад. В. Н. Сукачёва и д.б.н. Н. В. Дылиса. — М.: Наука, 1964. — С. 3–4.
37. Одум, Ю. Экология. В 2 т. Т. 1 / Ю. Одум; пер. с англ. — М.: Мир, 1986. — 328 с.
38. Одум, Ю. Основы экологии / Ю. Одум; пер. с англ. — М.: Мир, 1975. — 740 с.
39. Одум, Ю. Экология. В 2 т. Т. 2 / Ю. Одум; пер. с англ. — М.: Мир, 1986. — 376 с.

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Аркадьевна, соискатель кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета, учитель английского языка гимназии № 19 г. Омска.
ГРИГОРЬЕВ Аркадий Иванович, доктор биологических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой экологии и природопользования Омского государственного педагогического университета.
 Адрес для переписки: e-mail: aigrigoryew@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2012 г.
 © Е. А. Григорьева, А. И. Григорьев

УДК 821.161.1

А. С. МАТВЕЕНКО

Омская гуманитарная академия

ЭСТЕТИКА Д. П. ОЗНОБИШИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Статья посвящена изучению художественного и мировоззренческого своеобразия творчества малоизученного русского романтика Д.П. Ознобишина. На материале «Отрывка из сочинения об искусствах» рассматриваются представления русского романтика о музыке, поэзии, истории искусства. В статье осмысливается своеобразие философской прозы Ознобишина.

Ключевые слова: романтизм, эстетика, философская проза.

Русская эстетическая мысль эпохи романтизма стремилась не только преодолеть инерцию классицистической эстетики, но и выработать новые методологические принципы в изучении истории искусства, прояснить место русской культуры среди других культур. Русская романтическая эстетика формировалась под влиянием немецкой классической эстетики, концепций И. Канта, Г.-В. Гегеля, Ф.-В. Шеллинга, В.-Г. Вакенродера, Ф. Шлегеля, Новалиса и др. Ведущим в русской романтической эстетике стало стремление к синтезу и к универсальности [1, с. 12].

Основой для утверждения идеи универсальной поэзии для многих русских романтиков послужила философия тождества Шеллинга, его концепция красоты как органичного синтеза конечного и бес-

конечного. В эстетике немецкого мыслителя мы видим естественное продолжение идеалистической традиции, у истоков которой стоял Платон. Немецкий идеалист сопоставлял природную, чувственную грацию и духовную красоту человека. Н. Я. Берковский подчеркивает, что немецкий философ в качестве нового мировоззренческого ключа подошел к пониманию природы, жизни и искусства: «Природа и жизнь суть по Шеллингу непрерывное творчество, творя самих себя, они себя же самим себе открывают...» [2, с. 25–26]. Шеллинг воспринимал природу не столько как «продукт непостижимого творения», сколько как само творение. Истоки искусства, поэтического вдохновения Шеллинг усматривал в глубинах души человека, которая неразрывно связана с божественным универсумом: «Искусство возникает

только из живого движения глубочайших внутренних душевных и духовных сил, которые мы называем вдохновением» [3, с. 83]. Шеллинг одним из первых в эстетической мысли раскрыл многогранность, диалектичность поэтического творчества, в котором органично соединяются единичное и универсальное, свобода и необходимость: «Сначала или прежде всего душа художника проявляет себя в произведении искусства, открывая себя в единичном, а также в целом, когда он парит над ним как единство в покое и тишине» [3, с. 70]. В поздних эстетических работах Шеллинга все более проявляется религиозное звучание.

В трактатах, манифестах и критических статьях русских романтиков утверждается диалектический и сравнительно-исторический подходы в изучении мировой литературы. В противовес классицистическим принципам подражания разуму, природе, древним, правдоподобия, правилу трех единств, жанровой иерархии русские романтики утверждали принципы индивидуальной стилиевой манеры художника, творческой свободы, историзма и народности. В частности, Н. И. Надеждин в статье «Литературные опасения за будущий год» подчеркивал: «Поэтические произведения должны быть свободными изливаниями свободного духа» [4, с. 54]. Надеждин, как и другие русские романтики, подчеркивал нерасторжимое единство эстетического и этического идеалов, принципов подражания, воображения и духовного самовыражения. Для Надеждина и других русских романтиков духовное самопознание поэта является основой для постижения мироздания. Выявляя генезис романтической поэзии и сопоставляя ее с классической поэзией, Надеждин отмечал: «Она была в отношении к материи — более человеческая; в отношении к организации — более фантастическая; в отношении к внешнему отражению — более музыкальная» [4, с. 201]. Наряду с этим, русский мыслитель выделяет такую черту романтизма, как устремление к бесконечному и к универсальному. Схожее представление об универсальной природе искусства мы видим и в статье В. Г. Белинского «Литературные мечтания».

В эстетике Д. В. Веневитинова последовательно развивается принцип триады, в частности, в его осмыслении эпоса, лирики и драмы. Литературные роды русский романтик рассматривает как в эстетическом, так и в гносеологическом аспекте. В мире эпоса, с которым мыслитель соотносит прошлое, связаны воспоминания и впечатления от окружающего мира. Лирику Веневитинов соотносит с духовным самовыражением поэта и с настоящим, а в драматургии усматривает синтетическую форму познания и искусства, которая соотносена с будущим человечества. Для Любомудра в целом, по замечанию М. С. Штерн, был характерен «поиск соответствия между самовыражением личности и объективными законами бытия» [5, с. 16]. Веневитинов, создавая программу журнала «Московский вестник», стремился к тому, чтобы русская романтическая эстетика стало подлинно философской: «Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека» [6, с. 128].

Любомудры стали воспринимать историю искусства как единый процесс. В частности, В. Ф. Одоевский подчеркивал: «Искусство, напротив, каждое мгновение изучает как произведение веков и пространства» [7, с. 35]. Одоевский, как и другие Любомудры, воспринимал творчество и как духовное самовыражение, и как устремление человека к Абсолюту». Русский романтик, сближая искусство, фи-

лософию и религию, называл поэта пророком. Как и Веневитинов, Одоевский верил в синтез различных видов искусств: «Будет время, когда, может быть, все способы выражения сольются в музыку» [7, с. 37].

Именно в эпоху романтизма в российской науке начинают формироваться мифологическая, сравнительно-историческая и культурно-историческая академические школы. Русские романтики в своих эстетических трудах осмыслили закономерности литературного процесса, выявляли генезис литературных родов и жанров, сопоставляли памятники западноевропейского и русского искусства. Аналитическую глубину и системность демонстрируют эстетические трактаты С. П. Шевырева. В частности, в «Истории поэзии» (1835), «Теории поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (1836), «Истории русской словесности» (1859 — 1860) Шевырев использует исторический метод в изучении литературы. Русский романтик выявляет прямую связь между литературным произведением и эпохой, его породившей. В искусстве Любомудр видит развитие духовных интенций человечества. С. П. Шевырев, как и В. К. Кюхельбекер, О. М. Сомов, выступал за преодоление подражательности в русской литературе.

Рассмотренные особенности эстетики русского романтизма проявляются и в работах Ознобишина. Русский романтик поместил свой «Отрывок из сочинения об искусствах» в альманахе «Северная лира на 1827 год». Данная эстетическая работа во многом проясняет концепцию издания, установку на межкультурный диалог. Фрагментарная форма была присуща эстетическому мышлению романтиков. «Отрывок из сочинения об искусствах» является ярким примером русской философской прозы эпохи романтизма, органично сочетая в себе художественную и теоретическую направленность.

Эпиграфом к работе является цитата из перевода А. Ф. Мерзляковым на русский язык VIII эклоги Вергилия. Эпиграф вводит ключевую проблему работы Ознобишина — изучение генезиса и своеобразия музыки как самого беспредметного вида искусства, выражающего глубины человеческой души. А. Ф. Мерзляков оказал существенное влияние на формирование эстетических воззрений Ознобишина. «Отрывок из сочинения об искусствах» свидетельствует об энциклопедических познаниях автора в области истории искусства, мифологии. Данное произведение русского романтика представляет собой синтез философского, сравнительно-исторического, критического подходов.

Стиль изложения характеризуется непринужденностью, непосредственным обращением к читателю, эмоциональностью. Ознобишин отходит от традиций академического трактата, стремясь к свободному изложению собственных суждений, оценок: «Я и сам готов бы с вами не верить, мм. гг., если бы предание только этим ограничивалось...» [8, с. 179]. Эмоциональность создается благодаря восклицательным предложениям, риторическим вопросам, оценочной лексике («болтливая Древность», «ломают головы европейские антикварианты»), авторской иронии. В произведении Ознобишина органично соединяются эпос и лирика. В работе романтика мы видим авторскую рефлексию, естественное зарождение и развитие представлений о музыке и поэзии. В «Отрывке из сочинения об искусствах» создается яркий образ мыслящего автора, который включает в орбиту своей рецепции разнообразные явления мировой культуры.

Обращение к античной мифологии и к истории придает произведению сюжетную динамику, яркую образность. Античные мифологические образы получают новые художественные грани, раскрывающие авторский замысел. Так, пересказанные мифы об Арионе и Орфее выражают ключевые для романтизма представления о пророческом даре и духовном самовыражении поэта, о «невыразимой гармонии», о силе музыки, звучащего слова. Художественная рецепция мифа об Орфее сочетается с комментариями ученого. Легенды об Орфее, Тамарисе, Марсии, Пифагоре и др. служат образной формой доказательства характерной для романтиков мысли о трагическом противостоянии свободного гения и современников, установленных законов. Ознобишин в своей работе четко противопоставляет универсальную музыкальность древнего элина и римлянина, скептически относящегося к музыке. Русский романтик подводит читателя к мысли о том, что именно музыкальность древних греков позволила им достичь высот в сфере изящных искусств и философии.

Античные мифы, в которых воплощен идеал, соотносятся автором с современностью: «Счастливые времена, когда и камни были чувствительны, и рыбы пленялись музыкою!» [8, с. 180]. В литературном альманахе «Северная лира на 1827 год» помещена философская аллегория Веневитинова «Скульптура, живопись и музыка» (1825), концепция которой близка позиции Ознобишина. Веневитинов убежден в том, что искусство музыки универсально и способно отразить все духовные состояния человека: «В тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожат при каждом впечатлении» [6, с. 140]. Музыка раскрывает сопричастность души горнему миру уже в земной жизни: «ты переносишься тогда в новый мир», «думаешь быть далеко от земли». Музыка, в представлении любомудра, раскрывает неразрешимую связь макро- и микрокосмоса.

Ознобишин также убежден в неисчерпаемых возможностях искусства музыки, которое способно отразить все сферы внутреннего мира человека, в том, что музыка способствует как духовному самовыражению человека, его преобразению, так и его приобщению к горнему миру. Музыкант и поэт, по мысли Ознобишина, должны находить точные соответствия художественных форм духовным интенциям личности. В контексте размышлений об универсальности искусства музыки Ознобишин вводит проблему идеала. В осмыслении данной эстетической категории русский романтик органично соединяет черты объективного и субъективного идеализма. Анализируя поэтические фрагменты, русский романтик подчеркивает достижение в них соответствия художественной формы и духовного содержания.

«Отрывок из сочинения об искусствах» представляет собой интертекст, в котором образы Ознобишина органично включены в контекст многочисленных аллюзий, реминисценций, цитат с атрибуцией и без атрибуции. В структуру работы Ознобишина включены переводы С. Е. Раича, А. Ф. Мерзлякова, В. А. Жуковского, произведения Г. Р. Державина, М. А. Дмитриева, Ф. И. Тютчева, И.-В. Гете, собственные лирические тексты. Интертекстуальность, постоянный диалог с читателем позволяют Ознобишину создать художественную структуру, близкую философскому диалогу. Ознобишин, как и Тютчев, противопоставляет скептицизм современников духовной полноте, которой обладали древние: «При всех усилиях ума приводить все в систему, много ли

мы выиграли?» [8, с. 185]. Опираясь на исторические источники, Ознобишин стремится утвердить читателя в мысли о том, что мифологические герои были реальностью, не плодом народной фантазии.

Ознобишин проводит в своей работе параллели и сравнения между различными человеческими культурами. Так, после осмысления античной поэзии и роли музыки в древнегреческой культуре Ознобишин обращается к рассмотрению кельтской и скандинавской мифологии и поэзии. В данном эпизоде проявляется влияние оссианизма: «На севере, посреди бесплодных и неприступных скал Каледонии видим мы людей, которых сердце согревалось высоким пламенем музыки и поэзии» [8, с. 198]. Ознобишин, стремясь воссоздать суровый колорит северной поэзии, вводит экспрессивный пейзаж, насыщенный деталями, которые присущи предромантической и романтической литературе оссианической направленности: «под мрачным покровом ночи», «луч вечерней звезды», «неукротимый поток». Столь же традиционным для оссианизма является и образ «задумчивого» барда, созданный Ознобишиным. По заключению В. А. Лукова, «Макферсон по большей части имитировал древнюю поэзию шотландцев, но делал это, уже приближаясь к пониманию специфики фольклора» [9, с. 171]. Для Ознобишина же фольклор — это источник для понимания духовности и истории народа.

Как и в осмыслении античной лирики, в рассмотрении северной поэзии Ознобишин подчеркивает созвучие поэта природе, а также универсальность музыки и лирики: «выражает нежную задумчивость любви безнадежной», «воспоминания прошедших наслаждений». Ознобишин убежден в том, что в искусстве северных народов Европы запечатлен их воинственный и свободолюбивый дух. Образ арфы скальда, естественно возникающий в анализируемом эпизоде, раскрывает в равной степени духовную отзывчивость барда и его способность влиять на других людей. Русский романтик вводит множество имен скандинавских богов и фантастических существ (Фрейя, Один), а также мифологические образы («пиршества Вальхаллы», «Лерадский мед») не только для воссоздания местного колорита, но и для постижения поэтической картины мира древних скандинавов. Ознобишин после историко-культурного комментария демонстрирует художественное погружение в мир скандинавской мифологии и поэзии, вводя стихотворный и прозаический перевод песни «Старшей Эдды» — сборника мифологических и героических «песен», написанных тоническим стихом. В стихотворном переводе, который, возможно, принадлежит самому Ознобишину, возникает образ мирового древа. В скандинавской мифологии в роли мирового древа выступает Иггдрасиль (ясень), под сенью которого живут богини судьбы — норны. Под мировым деревом течет таинственный источник жизненного обновления и магических сил. Одной из ключевых мифологем скандинавского эпоса является «священный, поэтический мед», дающий поэтическое вдохновение и мудрость. Образный ряд «меда золотоцветного» служит выражением пророческой, универсальной силы поэзии:

Пил мед золотоцветный за шумным столом —
Мед, полный высокого дара.
Тогда я стал счастлив, и мудр, и велик,
И слово, и дело постигнул язык [8, с. 200].

Один в стихотворном переводе предстает богом прорицания и поэзии, который через страдание на мировом древе обретает высшую мудрость, запечатленную в рунах. В прозаическом переложении русский романтик подчеркивает особенную силу каждой из девяти пророческих песен. В работе русского романтика сказывается его увлечение этнографией и фольклористикой. Ознобишин приводит пример сохранения древних верований: «Что же касается до эльфов, то и теперь еще простой народ в Зеландии весьма их опасается» [8, с. 201]. Русский романтик раскрывает синкретичную природу фольклора, указывая на то, что потомки древних скандинавов придают пению и пляске мистический, ритуальный смысл. «Отрывок из сочинения об искусствах» Ознобишина завершается обращением к восточной поэзии — самой экзотической для потенциального читателя альманаха.

Итак, «Отрывок из сочинения об искусствах» Ознобишина демонстрирует стремление русских романтиков к синтезу, соединяя в себе художественную, философскую и научную формы осмысления проблемы генезиса и развития поэзии и музыки. В данной работе русского романтика отражены ключевые для романтизма эстетические принципы и стилевые доминанты.

Библиографический список

1. Маймин, Е. А. О русском романтизме / Е. А. Маймин. — М.: Просвещение, 1975. — 240 с.

2. Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. — Л.: Художественная литература, 1973. — 567 с.
3. Шеллинг, Ф.-В. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Ф.-В. Шеллинг. — М.: Мысль, 1987. — 636 с.
4. Надеждин, Н. И. Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. — М.: Художественная литература, 1972. — 576 с.
5. Штерн, М. С. Философско-художественное своеобразие русской прозы XIX века / М. С. Штерн. — Омск: ОГПИ, 1987. — 86 с.
6. Вeneвитинов, Д. В. Стихотворения. Проза / Д. В. Вeneвитинов. — М.: Наука, 1980. — 608 с.
7. Оdoевский, В. Ф. О литературе и искусстве / В. Ф. Оdoевский. — М.: Современник, 1982. — 221 с.
8. Северная лира на 1827 год / отв. ред. А. Л. Грибушин. — М.: Наука, 1984. — 416 с.
9. Луков, В. А. Предромантизм / В. А. Луков. — М.: Наука, 2006. — 683 с.

МАТВЕЕНКО Анатолий Сергеевич, аспирант кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций.

Адрес для переписки: e-mail: matveenko_anatoliy@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.2011 г.

© А. С. Матвеевко

Книжная полка

ББК 81.432.1/А45

Алейникова, Т. В. English on High-End Technologies Management [Текст] / Т. В. Алейникова, Э. Г. Беззатеева; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 158 с. — ISBN 978-5-8149-0829-2.

Учебное пособие предназначено для студентов специальности «Менеджмент высоких технологий», изучающих английский язык в технических и экономических вузах.

Целью данного пособия является формирование у студентов компетенции профессионального общения на английском языке.

ББК 81.432.1/К64

Кондратюкова, Л. К. Сокращения в терминологии английского языка [Текст] : монография / Л. К. Кондратюкова, И. Н. Кубышко, В. И. Сидорова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 58 с. — ISBN 978-5-8149-0847-6.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы сокращений в английском языке на основе сопоставительного анализа языков космонавтики, компьютерной техники и катализа с использованием социолингвистического подхода.

Рекомендуется лингвистам, терминоведам-теоретикам и терминологам-практикам, переводчикам, аспирантам и специалистам, интересующимся проблемами в области терминологии.

ББК 81.432.1/К88

Кубышко, И. Н. Многоцелевые гусеничные и колесные машины. Английский язык для специалистов [Текст] : учеб. пособие / И. Н. Кубышко, Н. Н. Тимошенко ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 86 с. — ISBN 978-5-8149-0842-1.

Данное учебное пособие предназначено для обучения студентов чтению и переводу литературы по специальности «Многоцелевые гусеничные и колесные машины». Тексты зарубежных источников содержат информацию об истории возникновения различных видов гусеничных и колесных машин, их видах и свойствах, конструкции, целях использования.

В пособие включены наиболее важные грамматические темы. Система упражнений направлена на закрепление навыков чтения, усвоение грамматики и развитие навыков устной речи по специальности.

Учебное пособие предназначено для студентов 2-го курса неязыковых вузов, обучающихся по специальности «Многоцелевые гусеничные и колесные машины».